

К. П. ДОБРОЛЮБСКИЙ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА в ПАРИЖСКИХ СЕКЦИЯХ в ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ после 9-го ТЕРМИДОРА

В сб.: **Классовая борьба во Франции
в эпоху Великой французской революции.**

М.-Л.: Соцэкгиз. 1931. С.204-246

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Парижские секции, возглавляемые Парижской коммуной, сыграли в период подъема Великой французской революции крупную революционную роль: они организовали массы на борьбу; они располагали вооруженной силой национальной гвардии; они определяли тот или иной исход революционных дней; они повалили трон **10 августа 1792 г.**; они содействовали установлению якобинской диктатуры в 1793 г.; они добились наконец введения всеобщего максимума в интересах парижской бедноты. Организованные формально как избирательные собрания и органы самоуправления по отдельным городским кварталам, они превратились в один из органов революционной диктатуры, в политическую силу, за руководство которой ожесточенно боролись **жирондисты**, **монтаньяры**, **«бешеные»** и отдельные фракции якобинцев.

Политическое лицо каждой из 48 секций Парижа определялось прежде всего классовым составом населения той или иной секции и преобладанием среди нее определенных социальных слоев. Хотя этот состав был очень разнородным и пестрым, но то или иное соотношение аристократических элементов, крупной финансовой, торговой и промышленной буржуазии, владельцев небольших мастерских, мелких торговцев и рантье, интеллигенции, ремесленников и рабочих определяло классовый характер каждой из секций. Соотношение классовых сил во многих секциях имело свои особенности и нюансы, но в общем представляется возможным установить 4 основных группы секций: [\[см. карту\]](#)

1) 14 секций с преобладающим буржуазным населением; 2) 6 секций с разнородным составом населения, среди которого однако удельный вес буржуазных элементов был очень значительным; 3) 18 секций с преобладающим мелкобуржуазным населением; 4) 15 секций, заселенных преимущественно ремесленниками, рабочими и вообще городской беднотой.²

К секциям с преобладающим буржуазным населением принадлежали прежде всего 6 крупнобуржуазных секций аристократического запада и торгового центра Парижа, на правом северном берегу Сены: Тюильри (№ 1), Елисейских полей (№ 2, аристократично-буржуазная), Горы (потом - во время термидорианской реакции - Мельничного холма, № 4), Лепеллетье (№ 6), Французских гвардейцев (№ 9) и Вильгельма Телля (потом Майль, 12). Буржуазный характер носили также центральные секции Рынка (№ 17) и Коммуны (потом - Верности, № 32) и примыкающие к последней с севера и востока секции Прав человека, (№ 31) Арсенала (№ 34). Наконец на правом берегу Сены аристократично-буржуазным характером отличалась секция Тампля (№ 23), расположенная на северо-востоке между предместьями Сен-Мартен и Антуанским. Кроме 11 секций на правом берегу Сены буржуазными секциями являлись две секции - Сите (№ 36) и Революционная (потом - Нового моста, № 37), расположенные на острове Сите (или Богоматери; там находится собор Нотр-Дам), лежащем между рукавами Сены, и одна секция Единства (№ 40), находившаяся на левом берегу Сены и примыкающая к Новому мосту. Нужно, однако, отметить, что и буржуазные секции не отличались полной однородностью населения: так в секциях Тюильри, Горы, Коммуны, Прав человека, Арсенала, Тампля, Сите,³ Революционной и Единства жила отчасти и беднота из мелкой буржуазии, ремесленников и рабочих, что не могло не сказываться на некоторых колебаниях в позициях этих секций во время революции.

К секциям с разнородным населением, но где были значительны буржуазные элементы, нужно отнести на правом берегу Сены центральные секции Ломбар (№ 18) и Арси (№ 19); далее к востоку - секцию Вооруженного человека (№ 30), граничащую на севере с секцией Тампля, и секцию Нераздельности (№ 33), к которой с востока примыкала северная половина Антуанского предместья (секции Попинкур и Монтрейль). На левом берегу Сены секциями со значительным буржуазным населением являлись секции Гренельского фонтана (аристократично-буржуазное Сен-Жерменское предместье, № 39) и Муция Сцеволы (Люксембургская, № 43). Нужно иметь в виду, что в секциях этой группы жили кроме крупной и средней буржуазии слои населения, принадлежавшие к мелкой буржуазии, ремесленникам и рабочим так, ремесленно-рабочее население было в секциях Ломбар, где находились мастерские по изготовлению предметов роскоши, и Арси, бывшей когда-то центром скотобоев; еще более пестрым было население секций Вооруженного человека, Нераздельности, Гренельского фонтана и Муция Сцеволы, где наряду с представителями вольных профессий и мелкими торговцами жили и строительные рабочие. В первые два месяца после 9 термидора секции Ломбар и Арси выступали еще вместе с ремесленно-рабочими секциями, а секция Гренельского фонтана - с секциями мелкобуржуазными.

К секциям с преобладающим мелкобуржуазным населением принадлежали 8 секций на правом берегу Сены, примыкающих с севера к буржуазным секциям запада и центра Парижа; секций Республики (№ 3), Пик (потом - Вандомской площади, № 5), Хлебного рынка (№ 10), Общественного договора (№ 11), Брута (№ 13), Друзей отечества (№ 15), Боконсейль (№ 16) и Соединения (№ 29). Из остальных 5 секций этой группы 1 секция Братства (№ 35) - была расположена на острове св.Людовика, а 4 - в юго-западной части Парижа, на левом берегу Сены: секция Марата (потом - Французского театра, № 41), Шалье (потом - Терм, № 44), Красного колпака (потом - Западная, № 42) и Инвалидов (№ 38). Из 8 секций на правом берегу Сены ремесленно-рабочее население было более представлено в 5 секциях - Республики, Пик, Друзей отечества, Боконсейль и Соединения причем в последних 3 секциях были мастерские по изготовлению предметов роскоши, и они были расположены в одном районе с секциями Гравилье и Бон-Нувель, где ремесленно-рабочие элементы преобладали. Для демократических секций на левом берегу Сены - Марата, Шалье и Красного колпака - характерна смесь буржуазных и довольно многочисленных рабочих элементов. В малонаселенной секции Инвалидов, отделяемой Сеной от Елисейских полей, жили военные и много садовников-собственников, Остальные секции этой группы отличались большею однородностью мелкобуржуазного населения (секции Хлебного рынка, Общественного договора, Брута и Братства). В секциях мелкобуржуазных реакция победила скорее, чем в секциях предместий и отчасти центра, где ремесленно-рабочее население было более значительным.

К четвертой группе секций, где было очень значительно ремесленно-рабочее население и где жило много бедноты, принадлежали 12 секций предместий и 3 центральные секции - Музея (№ 8), Бон-Нувель (№ 14) и Гравилье (№ 27), причем к последним 2 секциям примыкали предместья Сен-Дени и Сен-Мартен. К малонаселенным секциям северных предместий, где жили мануфактурные и строительные рабочие, относились 5 секций: Монблан (№ 7), Монмартр (№ 20), Пуассоньер (№ 21), Северного предместья (№ 28, предместье Сен-Дени) и Бонди (№ 22, предместье Сен-Мартен). Антуанское предместье, расположенное в восточной части Парижа и населенное мануфактурными и строительными рабочими и ремесленниками по выделке мебели, разделялось на 3 секции: Попинкур (№ 24), Монтрейль (№ 25) и Кенз-Вен (№ 26). К секциям южных предместий Сен-Марсель и Сен-Жак, расположенных на левом берегу Сены и по характеру населения похожих на Антуанское предместье, принадлежали 4 секции: Финистер (раньше - Гобеленов, № 48), Санкюлотов (потом - Ботанического сада, № 47), Обсерватории (№ 46) и Французского пантеона (№ 45). Со стороны секций четвертой группы буржуазная реакция после 9 термидора претила более упорное и длительное сопротивление, чем со стороны остальных демократических секций. Было бы, однако, ошибочным рассматривать секции этой группы как чисто рабочие секции - в них сильно представлены были также и мелкобуржуазные элементы самые ремесленники по своему классовому характеру в значительной степени относились к мелкой буржуазии; но наличие значительного числа рабочих, занятых в мануфактуре, домашней промышленности и строительном деле, все же придавало иной характер этим мелкобуржуазным секциям.

Секции не действовали как обыкновенные демократические органы, и их политические выступления определялись не только социальным характером их населения, но и находились в зависимости от классового состава руководящего политического актива секций, который менялся в разные периоды революции: при терроре патриоты и санкюлоты производят чистку секций от умеренных, от «интриганов», иначе говоря, от буржуазных элементов;⁴ наоборот, в период термидорианской реакции «интриганам» оказываются в глазах «порядочных людей» санкюлоты, причем «добрые граждане», т.е. буржуазные элементы, усердно занимаются чисткой секций от террористов. Это революционное нарушение принципов формальной демократии и объясняет нам неустойчивость политической позиции многих секций. Самый классовый состав граждан, объединяемых формально той или иной секцией, определял при этом, насколько легко и прочно тот или иной актив, пользуясь сложившейся политической обстановкой, захватывал в свои руки политическое руководство данной секцией. Господствующие в Конвенте политические группировки в свою очередь стремились соответствующими законодательными мероприятиями закрепить в секциях влияние желательных для них элементов. При господстве робеспьеристов Коммуна была очищена от эбертистов, массовое движение в секциях было задавлено, и там стали командовать революционные комитеты, зависимые от комитетов Конвента. Проводимая робеспьеристами политика смягчения максимума и классового равновесия не удовлетворяла, однако, буржуазию и самостоятельное крестьянство и оттолкнула городскую и сельскую бедноту. Буржуазные настроения в одних секциях и эбертистские и других и дали о себе знать 9 термидора, когда за поддержкой к секциям обратились и робеспьеристская Коммуна и Конвент.⁵

Борьба в секциях 9 термидора и их роль в перевороте этого дня были уже предметом специальных работ, основанных на анализе сохранившихся протоколов секций.⁶ Хотя вследствие расхождения между революционными и гражданскими комитетами секций а общими собраниями, вследствие составления самих протоколов секций после поражения Коммуны и, наконец, из-за неполноты источников многие частности остаются невыясненными, а иногда и спорными, но несомненно одно: в ночь с 9 на 10 термидора подавляющее большинство парижских секций, в конце концов, после внутренней борьбы и колебаний, встало на сторону Конвента и во всяком случае не оказало фактической помощи робеспьеристской Коммуне. В общих чертах можно так охарактеризовать позиции секций 9 термидора: из 14 секций с преобладающим буржуазным населением на сторону Конвента сразу и без колебаний встали 11 секций: Тюильри, Елисейских полей, Горы, Лепеллетье, Французских гвардейцев, Вильгельма Телля, Рынка, Коммуны, Тампля, Революционная и Единства.⁷ Не было полного единодушия только в двух буржуазных секциях - Сите⁸ и Прав человека.⁹ Наконец, отсутствуют сведения о секции Арсенала, но нужно полагать, что и эта буржуазная секция встала на сторону Конвента.¹⁰

Из 6 секций с разнородным, но в очень значительной части буржуазным населением 3 секции - Ломбар, Арси и Гренельского фонтана¹¹ - стали на сторону Конвента, а остальные 3 секции - Муция Сцеволы, Вооруженного человека и Нераздельности - присоединились к Конвенту только после некоторых колебаний и борьбы. По утверждению Эрико, канониры секции Муция Сцеволы первые явились на площадь Коммуны. Сначала секция послала было и делегатов в Коммуну, но потом решительно перешла на сторону Конвента. Через месяц после 9 термидора президент Конвента, правый термидорианец Мерлен из Тионвилля, отвечая депутации секции Муция Сцеволы, заявил, что он считает, что секция все время была сторонницей Конвента. Депутация от секции Муция Сцеволы утверждала позднее на заседании Конвента 21 ноября 1794 г., в связи с закрытием якобинского клуба, что секция первая прибыла в Конвент 9 термидора, чтобы заявить о своей преданности. Канониры секции Вооруженного человека отправились с пушками поддержать Коммуну, но общее собрание секции и ее революционный комитет решительно высказались за Конвент. Позднее на заседании Конвента 12 октября 1794 г. оратор депутации от секции Вооруженного человека заявил: «В ужасную и памятную ночь 9 термидора секция Вооруженного человека одна из первых высказалась против дерзости мятежников.

После долгого колебания к часу ночи, когда общее положение уже достаточно выяснилось, высказалась за Конвент и секцию Нераздельности.

Из секций о преобладающим мелкобуржуазным населением секция Хлебного рынка одна из первых присоединилась к Конвенту в ночь с 9 на 10 термидора. Встала на сторону Конвента и секция Инвалидов. На общем собрании секции было созвано лишь в 2 часа ночи.¹² Секции: Пик,¹³ Общественного договора,¹⁴ Боконсеиль, Соединения и Шалье высказались за Конвент только после первоначальных колебаний и большей или меньшей борьбы. В секции Брута произошел раскол, и все поведение секции было колеблющимся и нерешительным. Секция Республики осталась нейтральной. Наконец секции Друзей отечества, Братства, Марата и Красного колпака сначала высказались за Коммуну, но потом в ходе событий перешли на сторону Конвента. Таким образом, позиция мелкобуржуазных секций 9 термидора отличалась нерешительностью, колебаниями и изменчивостью.

Из секций с значительным ремесленным и рабочим населением активно поддержали Конвент две центральные секции - Гравилье и Бон-Нувель, в которых раньше было сильно влияние Жака Ру и Эбера. Помимо тех данных, которые относятся к самому дню 9 термидора и приводятся историками, можно отметить еще, что эти две секции сами подчеркивали потом в Конвенте свою активную роль в перевороте 9 термидора. Депутация от секции Гравилье указывала 8 августа 1794 г., что 6 тыс. членом секция во главе с депутатом Леонардом Бурдоном выступили 9 термидора против Коммуны. Секция Бон-Нувель на заседании Конвента 15 октября 1794 г. заявила, что в ночь с 9 на 10 термидора на защиту Конвента выступили о оружием в руках те люди, которых один из членов прежнего революционного комитета секции обвинял на заседании якобинского клуба в умеренности и аристократизме. Третья из центральных секций этой группы - секция Музея - по-видимому, не сразу встала на сторону Конвента и не оказала ему такой активной помощи, как секции Гравилье и Бон-Нувель.¹⁵

Северо-восточные и юго-восточные секции предместий Парижа, где было много рабочего населения, обнаружили большую нерешительность и фактически в большинстве своем остались нейтральными. Представители их комитетов, а иногда и общих собраний, делали заявления в Коммуну о верности ей, но потом большинство секций предместий высказалось за Конвент. Очевидно, тут действовало и раздражение рабочих против максимального тарифа заработной платы, установленного Коммуной 5 термидора. Скорее склонились на сторону Конвента малолюдные и с более разнородным составом населения 6 секций северных предместий. На общем собрании секции Монблана единогласия не было, но большинство высказалось за Конвент; комитеты секций Монмартра, Пуассоньер, Северного предместья и Бонди сносились сначала с Коммуной, но общие собрания секций также высказались за Конвент, причем больше колебаний обнаружила секция Пуассоньер. Не поддержали Коммуны и секции Антуанского предместья, хотя вначале и сносились с ней: секции Попинкур и Монтрейль склонились на сторону Конвента, а одна из самых революционных секций - секция Кенз-Вен - объявила о своем нейтралитете, но на другой день депутация от нее, встреченная в Конвенте аплодисментами, заявила о своей преданности национальному представительству. Секций южных предместий Сен-Марсель и Сен-Жак стали сначала на сторону Коммуны, но из них только одна секция Обсерватории оставалась до конца верной Коммуне. Через несколько дней на заседании Конвента 2 августа 1794 г. депутация от секции Обсерватории обвиняла во всем революционный комитет своей секции. Секции Французского пантеона и Финистер сначала поддерживали Коммуну, но потом перешли на сторону Конвента. Секция Санкюлотов по постановлению общего собрания послала в Коммуну делегатов для принесения присяги, но фактической помощи ей, по-видимому, не оказала.^{15a}

Вечером 9 термидора перевес вооруженных сил был еще на стороне Коммуны, но к ночи положение стало резко меняться и, к 2 часам ночи окончательно изменилось в пользу Конвента.^{15b} Дело в том, что соотношение сил в секциях сложилось невыгодным для Коммуны образом. 11 буржуазных секций, 3 секции с значительным буржуазным населением, 1 мелкобуржуазная секция (Хлебного рынка) и 2 секции со значительным ремесленно-рабочим населением (Гравилье и Бон-Нувель) без колебаний и сразу стали на сторону Конвента. К этим 17 секциям примкнули еще 6 секций, которые не обнаружили полного единодушия или не проявили собой активности при поддержке Конвента: 3 буржуазных секции (Сите, Прав человека и Арсенала), 1 мелкобуржуазная (Инвалидов) и 2 с значительным ремесленно-рабочим населением (Музея и Монблана). После некоторых колебаний и борьбы за Конвент высказались еще 6 секций: одна с значительным буржуазным населением (Муция Сцеволы), 4 мелкобуржуазных (Пик,

Общественного договора, Боконсейль и Соединения) и 1 секция предместий (Монмартр). Еще больше колебаний было в позиции следующих 8 секций, присоединившихся к Конвенту в дальнейшем ходе событий: в 2 секциях второй группы (Вооруженного человека и Нераздельности), в 2 - третьей группы (Брута, и Шалье) и в 4 секциях предместий (Пуассоньер, Северного предместья, Бонди и Монтрейль), причем в секциях Вооруженного человека и Брута произошел раскол. 2 секции, где жила много беднота, остались нейтральными (Республики и Кенз-Вен). В то время как около половины секций (23), преимущественно о буржуазным населением (все 14 секций первой группы и 3 второй), встало на сторону Конвента, 14 секций, преимущественно демократических (6 секций - третьей и 5 - четвертой группы), колебались и 2 демократические секции были нейтральными. За Коммуну высказались общие собрания только 8 демократических секций: 4 - третьей группы (Друзей отечества, Братства, Марата и Красного колпака) и 4 - четвертой группы (Попинкур, Французского пантеона. Санкюлотов и Финистер). Но и эти 8 секций перешли на сторону Конвента, когда выяснилось, что его поддерживает большинство секций. И только одна секция предместья Сен-Жак (Обсерватории) до конца не высказывалась за Конвент.

В следующие после 9 термидора два дня в своей преданности заверяют Конвент не только секции, вставшие на его сторону (Тюильри, Революционная, Хлебного рынка и Инвалидов), но и секции, в которых происходили колебания или изменения позиции в ходе событий (Монблан, Брута, Кенз-Вен и Марата). Конвент, разумеется, стремился показать, что все секции на его стороне. В опубликованном 30 июля, т.е. задним числом, в «Moniteur» отчете о заседании Конвента 9 термидора говорится, что «все секции явились в Конвент, чтобы заявить о своей верности ему, что было конечно преувеличением. Делая 11 термидора сообщение о событиях 8, 9 и 10 термидора, депутат Ру заявил, что секции были на стороне Конвента, равно как и «истинные якобинцы».

На заседании 10 термидора Конвент декларировал, что «секции не переставали оказывать важные услуги отечеству». Делая на том же заседании от имени Комитета общественного спасения доклад о событиях 9 термидора, Барер восхвалял поведение секций, а колебавшиеся секции считал лишь на короткое время введенными в заблуждение. «Канониры, всегда верные отечеству, как и победе, - говорил он, - покинули Анрио; секции, некоторый момент обманутые, признали только Конвент... Секции Антуанского предместья, возбужденные комиссарами Анрио, сплотились по зову Конвента... Марсельское предместье, которое злодей Анрио стремился увлечь к тому, чтобы оно содействовало его преступлениям, явилось со своими пушками с намерением уничтожить всех участников-заговорщиков. Все отряды канониров, бывшие на Гревской площади, направились один за другим в те места, где больше всего грозила опасность Конвенту. Наконец единодушным возгласом всех граждан было: «Да здравствует Национальный конвент! Да здравствует свобода, да здравствует республика! Да погибнут изменники и тираны!» Единственно этот крик раздавался на всех улицах, во всех секциях Парижа». «Республиканский курьер» писал 31 июля: «Активный надзор Конвента и комитетов в соединении с мужеством и мудростью секций Парижа спас эту столицу, а вместе с ней и Французскую республику».

В следующие за переворотом 9 термидора дни происходит чистка секций от робеспьеристов. Полиция в донесении от 31 июля 1794 г. отмечает много арестов в секциях. О том же говорят и протоколы секций за первые дни после 9 термидора. На общих собраниях секций выдвигались обвинения против отдельных лиц, произносивших «мятежные речи» против Конвента или принявших командование над вооруженной силой по назначению Коммуны. В секции Нераздельности, которая долго колебалась 9 термидора, хотя и имела много буржуазных элементов, ряд лиц был обвинен как агенты и сторонники Робеспьера и как призывающие граждан к восстанию в ночь 9 на 10. Общее собрание секции Коммуны от 2 августа указало на 7 лиц, «которые уклонились от истинных принципов в день с 9 на 10 термидора». На общем собрании секции Монтрейль от того же числа обсуждался вопрос о вредном влиянии на некоторых граждан, бывших членов Генерального совета Коммуны - Бернара и Терло.

10 термидора были гильотинированы вместе с Робеспьером 22 робеспьериста, а в следующие два дня еще 82 сторонника Робеспьера, из них 79 членов Парижской коммуны. Последняя прекратила свое существование, а муниципальное управление Парижа было поручено декретом 31 августа 1794 г. (14 фруктидора II г.) разным комиссиям центральной власти, в частности Комиссии полиции. Свидетельства о цивизме должны были по-прежнему выдаваться секциями и визироваться революционными комитетами. Декретом 6 августа 1794 г. (19 термидора II г.) уничтожались должности главнокомандующего и легионных командиров национальной гвардии. Командование Парижской национальной гвардией, равно как жандармерией и другими войсками в Париже, поручалось штабу из 5 лиц, выбираемых по жребию на 5 дней из командиров национальной гвардии каждой секции. Этот штаб был теперь поставлен в непосредственную зависимость от Конвента, а секции лишались права располагать своей вооруженной силой.

В дальнейшем секции становятся ареной острой классовой борьбы между революционно-демократическими элементами, господствовавшими в секциях до 9 термидора, и умеренными буржуазными элементами, пытавшимися снова подчинить секции своему руководству. Первые выступления в секциях правых элементов после 9 термидора были связаны с кампанией за выпуск из тюрем арестованных в качестве подозрительных. Уже 10 термидора Конвент декретировал, чтобы все власти без промедления занялись разбором дел арестованных как подозрительных. 1 августа 1794 г. (14 термидора II г.) был отменен закон 10 июня 1794 г. (22 прериала II г.) о терроре, предложенный Кутоном и Робеспьером. Как поняли буржуазные элемент переворот 9 термидора - и последующие постановления Конвента, видно, например, из следующего донесения революционного комитета секции Тюильри Комитету общественной безопасности от 3 августа 1794 г. (16 термидора II г.): «Мы сообщаем вам, граждане представители, о том, что аристократия хочет извлечь для себя выгоды из славной революции с 9 на 10 термидора. Вчера на общем собрании секции люди, полагающие, что одновременно с тираном покончено и с революционным правительством, осмелились предложить освобождение всех заключенных аристократов нашей секции. Это предложение, будучи принято, усилило

усилило бы их дерзость, но торжеству аристократии помешали твердость и старания патриотов, прошедших постановление о переходе к порядку дня. Эти коварные люди, желающие восстановить аристократию и роялизм, раньше лицемерили, восхваляя революционное правительство, прикидываясь патриотами, чтобы нас обмануть, и ожидая этого момента. Патриоты с трудом получали слово, их открыто называли лакеями Робеспьера».

3 августа в Конвент явились делегации от секций Монмартрского предместья и Елисейских полей, прося об освобождении некоторых арестованных. По этому поводу термидорианец Гупилло-де-Фонтеней указывал Конвенту на выступления в секциях против революционных комитетов аристократов - родственников заключенных - и заявил, что Комитет общественной безопасности будет отпускать на свободу тех, патриотизм и невинность которых будут доказаны. Барер, выступая от имени Комитета общественного спасения относительно выпуска из тюрем невинно арестованных патриотов, предостерегал в то же время против аристократов и контрреволюционеров, стремящихся использовать падение Робеспьера для борьбы с революционным правительством. «Пусть признанные враги республики, - говорил он, - не надеются на успех! Это революция всецело для свободы; свергли нового тирана не для того, чтобы поддерживать друзей старой тирании... Патриоты хотят прекратить несправедливость, а контрреволюционеры хотят разбить орудия национальной власти». Через 2 дня Барер снова выступил за сохранение революционных учреждений, говоря: «Допустите, чтобы аристократия разрушила одно республиканское учреждение, завтра она потребует уничтожения слова республика». Не доверяя секциям, он предложил тогда изъять из их ведения национальную гвардию, соответствующий декрет о чем от 6 августа отмечен выше. На заседании Конвента от 5 августа прошло предложение бывшего дантониста Бурдона из Уазы об освобождении из тюрем арестованных, причины ареста которых не отмечены в законе 17 сентября 1793 г. о подозрительных. Кроме того, декрет 18 термидора II г. предписывал сообщать арестованным или их родственникам и друзьям мотивы ареста. Термидорианцы не давали при этом говорить якобинцу Файо, который выступал против сообщения мотивов ареста и говорил: «Конвент без сомнения не думает, что все аристократы наказаны и что все заключенные невинны». В ответ ему вождь правых термидорианцев Талльен заявил: «В ночь с 9 на 10 термидора мы завоевали нашу свободу; нужно, чтобы народ ею наслаждался». Суровые меры он рекомендовал по отношению к остаткам низвергнутой фракции, а пока призывал к единству всех тех, кто свалил «тирана», чтобы на развалинах старой тирании не появилась новая.

Вопрос об освобождении заключенных был в секциях предметом шумных дискуссий. 25 термидора на общее собрание секции Друзей отечества явились граждане с требованием об освобождении их мужей, но большинство собрания не захотело их выслушать. По сообщениям газет и полицейских донесений перед воротами тюрем собиралось много «добрых граждан», чтобы приветствовать выпускаемых на свободу. В Париже происходило массовое освобождение из тюрем. С дозволения бывших дантонистов Лежандра и Бурдона из Уазы выпускали группами по 50-60 человек. 5 августа 1794 г. в тюрьмах Парижа было 7771 заключенный, через 5 дней число их уменьшилось на 476 - до 7295, через 2 месяца в тюрьмах осталось 4668, а в начале ноября - 4208. Это уменьшение количества заключенных продолжалось и далее: по официальным данным в Париже числилось на 17 апреля 1795 г. 2338 заключенных, на 25 апреля - 2302 и на 4 мая - 2152. Во всей Франции до 9 термидора было по тем же данным 30 тыс. заключенных, а через год, в 20-х числах июля 1795 г. - 30 тыс., из которых очень много террористов, арестованных после перриальского восстания.¹⁶

При массовом освобождении из тюрем выходили и контрреволюционеры, что вынуждены были признать даже правые и монархически настроенные журналисты. Так один из них, Dussault, писал: «Двери тюрем были скорее разбиты, чем открыты. Незаконно выходили из них толпы, но некоторые виновные воспользовались этой поспешностью». Против правых элементов в секциях выступил 9 августа в Конвенте не только Барер, но и Талльен. Барер разразился угрозами по адресу «неисправимой аристократии», которая связывает с революцией 9 термидора преступные надежды и возбуждает граждан против революционных учреждений; Талльен, поддерживая его, указывал, что 7 августа (20 термидора) во многих секциях аристократия пыталась поднять голову. Но при дальнейшем обсуждении в Конвенте вопроса о выпуске на свободу арестованных при терроре правые термидорианцы выступили о открытым забралом против своих временных левых союзников. На заседании 13 августа один из самых грубых термидорианцев Мерлен из Тионвилля заявил в духе консервативных элементов в секциях: «Не следует делать что-либо наполовину, а мы должны сознаться, что Конвент многие вещи сделал наполовину. Если среди нас еще находятся тираны, они должны, по крайней мере, молчать».¹⁷

В связи с кампанией за выпуск из тюрем арестованных в секциях развивалась кампания против членов революционных комитетов, которые была одним из орудий революционного террора. По донесению полиции от 12 августа 1794 г. в группах велась агитация за обновление революционных комитетов секций. На общем собрании одной из секций Антуанского предместья Монтрейль 12 августа 1794 г. (25 термидора II г.) граждане объявили, что члены революционного комитета секций утратили их доверие и что они отправятся 26 термидора сообщить об этом Конвенту. Действительно на заседании Конвента 13 августа делегация от секции Монтрейль обвиняла членов своего революционного комитета в злоупотреблениях при арестах. Из прений по этому поводу видно, что кампания против членов революционных комитетов захватила и демократические секции, в частности революционные секции предместий. Депутат Бодо указывал на то, что аристократия стремится обратить в свою пользу «нашу победу: над последними заговорщиками». Таллефер, поддерживая Бодо, отмечал агитацию аристократов на общих собраниях секций 25 термидора. Бадье в своей речи говорил: «Верно, что многие секции Парижа возбуждены, и я наблюдаю, что выбрали для поддержания этих волнений именно секции, составленные в большинстве из санкюлотов, те, которые все время наилучшим образом проявляли свой патриотизм.

Причина этого предпочтения заключалась в том, что аристократия полагала, что она лучше замаскируется, захватив органы этих секций, и что таким образом она скорее сможет ввести в заблуждение и обмануть доверие граждан... Я назову вам секцию Французского театра. Нельзя подозревать ее в аристократизме, так как она насчитывает в числе своих членов часть граждан предместья Марсо. По проискам некоторых заключенных эта секция постановила, что революционный комитет утратил ее доверие. Секция Общественного договора приняла подобное же постановление, больше того - она назначила комиссаров для наблюдения за ведением протоколов своего революционного комитета. Таким образом, аристократия стремится овладеть всяким патриотическим движением».

Агитация против революционных комитетов продолжалась и на общих собраниях секций 17 августа (30 термидора), причем особенно яростный характер она приняла в таких буржуазных секциях, как секция Лепеллетье. Полиция так характеризовала собрания секций в последнюю декаду термидора: «Собрания некоторых секций были очень шумны, а именно собрание секции Лепеллетье, где члены революционного комитета обвиняли друг друга. Председатель был вынужден несколько раз закрывать собрание». Через 3 дня Конвент приступила обсуждению проекта декрета о реорганизации революционных комитетов, который стал законом 24 августа 1794 г. (7 фруктидора II г.).

Согласно декрету 24 августа 1794 г. Париж делился на 12 округов по 4 секции в каждом, причем почти все округа объединяли одновременно и буржуазные секции и соседние демократические.¹⁸ Вместо 48 революционных комитетов секций теперь учреждалось 12 революционных комитетов по одному на округ. Каждый революционный комитет состоял из 12 членов, которые должны были иметь не менее 25 лет и уметь читать и писать. Новые революционные комитеты были поставлены в непосредственную зависимость не от секций, а от Комитета общественного спасения, которому и поручено было образовать их и заботиться об их обновлении. Чтобы еще более подорвать независимость новых окружных комитетов, было проведено постановление о смене каждые 3 месяца по жребию членов этих комитетов. Только через трехмесячный промежуток можно было быть снова членом революционного комитета. В течение 24 часов революционные комитеты обязаны были допросить граждан, привлекаемых к суду, и в тот же срок сообщить Комитету общественной безопасности о мотивах ареста и о документальных основаниях для него. Мандаты на арест должны были быть подписаны 7 членами комитета. В течение 8 дней арестованным должны были быть показаны копии мандатов на арест и сообщены мотивы ареста. Этими постановлениями Конвент стремился ограничить деятельность новых революционных комитетов относительно арестов. Новые комитеты были образованы 19-20 сентября 1794 г., т.е. в конце II г. республики. Не имея такой тесной связи с секциями, как прежние революционные комитеты секций, новые революционные комитеты округов сами отказались от визирования свидетельств о цизвизме, поручив передать его гражданским комитетам секций, лучше знающим своих сограждан. Конвент согласился с этим и декретом 5 октября 1794 г. (14 вандемьера III г.) поручил выдачу свидетельств о цизвизме в Париже исключительно гражданским комитетам секций.

Об антиякобинском характере новых революционных комитетов округов свидетельствует например такой акт, сообщенный на заседании Якобинского клуба 30 сентября 1794 г. Новый революционный комитет первого округа, помещавшийся в секции Тюильри, отказался задержать одного «господина», клеветнически обвинявшего якобинцев в контрреволюции. Задержание произвел комиссар полиции, говоривший, что подобных случаев много. «Этот комитет, - указывалось в Якобинском клубе, - наполнен господами в черных сюртуках и париках. Они ответили, что дела якобинцев их не касаются и что они заботятся лишь о защите Конвента».

Стремясь дать перевес в секциях состоятельным элементам, бывший дантонист Бурдон из Уазы предложил на заседании Конвента 21 августа (4 фруктидора) отменить декрет 5 сентября 1793 г. о вознаграждении в 40 су неимущим за посещение заседаний секций. Классовому предпочтению одних перед другими он противопоставлял формальное равенство, определенно защищая интересы имущих и говоря о классовом мире. «Кто, - спрашивал он, - сыграл решающую роль в движении за Конвент, с 9 на 10 термидора?» И отвечал: «Мы не скрываем, это - промежуточный класс, т.е. начиная с людей, живущих от своего дохода, и кончая теми, кто живет от своего ежедневного труда; все граждане равны; все должны одинаково пользоваться своими правами. Благо отечества требует от нас немедленной отмены этого декрета, и я уверен, что мы потом увидим, что в городе и среди нас будет царить мир» (аплодисменты). Камбон поддерживал предложение Бурдона из Уазы с финансовой точки зрения, указывая при сочувствии Конвента на злоупотребления с оплатой вознаграждения за посещение собраний, секций.¹⁹ Другой бывший дантонист Тюрио прямо нападал на тех, кто господствовал в секциях пользуясь декретом 5 сентября 1793 г., и предложил в целях уменьшения значения секций ограничить их общие собрания вместо двух одним днем на декаду. Конвент принял оба сделавши предложения, отменив декретом 21 августа 1794 г. вознаграждения в 40 су за посещение заседаний секций и предписав созывать общие собрания секций только по декадам. Полиция в своих донесениях указывала, что только «дурные» граждане жалуются на декрет, отменявший вознаграждение в 40 су и уменьшают число заседаний секций до одного на декаду, но масса аплодирует «этому энергичному декрету».

Протесты против политики ограничения роли секций исходили от секций, где сохранились элементы, сочувствовавшие «бешеным» и эбертистам. Застрельщицей движения против назначения муниципальных чиновников и в пользу избрания народом своих магистратов выступила секция Музея. В ней жил Бабеф, и председателем ее был эбертист Легрэ, который имел мужество, будучи членом революционного комитета секции и в согласии с другими его членами, выступить против революционного правительства после разгрома эбертистов и накануне 9 термидора. Он был арестован 20 июля 1794 г. (2 термидора II г.), и от эшафота его спасло происшедшее через неделю падение робеспьеристов. С секцией Музея была связана и деятельность Электорального клуба, в работе которого, кроме названного Легрэ, принимали участие Бабеф, Жан Варле и их друг гравер Бодсон.

Борьба секции Музея и Электорального клуба против революционного правительства и террора, за избрание магистратов народом и за свободу прессы была продолжением борьбы, которую вели раньше «бешеные», а потом эбертисты против революционного правительства и за введение в действие конституции 1793 г.²⁰

17 августа 1794 г. (30 термидора II г.), т.е. всего через 2 декады после свержения Робеспьера, секция Музея приняла адрес, в котором излагала свое понимание «революции» с 9 на 10 термидора «как направленной против тех, кто осмелился предложить безнравственные или кровавые законы, отнять у народа его избирательные права и занять общественные должности, выборы на которые принадлежать исключительно народу». Бабеф, перепечатавая позднее, 27 сентября 1794 г. (6 вандемьера III г.), в № 18 своего «Journal de la Liberte de la Presse» этот адрес секции Музея и солидаризуясь с ним, выражал свое разочарование в «так называемой революции 10 термидора», которая «отнюдь не покончила с тираническим управлением, только перешедшим в другие руки... Оказалось, что пользуются событиями 9 и 10 термидора для того, чтобы нанести окончательный удар свободе парижского народа, отнимая у него его муниципальную организацию». По мнению Бабефа день 9 термидора не был «истинной революцией», так как он не покончил с системой Робеспьера революция 9 термидора осталась незаконченной, она только уничтожила некоторых тиранов, тогда как нужно покончить о самой тиранией. «Нельзя скрывать, - писал Бабеф 22 сентября» 1794 г. (1 вандемьера III г.), - что теперь в республике существуют две партии, высказавшиеся - одна в пользу удержания правительства Робеспьера, другая - за восстановление правительства, опирающегося исключительно на вечные права человека, признанные нашей прекрасной конституцией. Мы откровенно признали себя сторонниками последней партии. Очень серьезная, даже решительная борьба, за свободу должна, по-видимому, немедленно начаться между нашими противниками и нами». Себя Бабеф называет сторонником «партии защитников прав человека», к которой принадлежат все противники тирании, диктаторов, деспотов, децемвиров.

Секция Музея предложила остальным секциям присоединиться к ее адресу и обратиться в Конвент с требованием защиты прав выборных должностных лиц. Вокруг адреса, секции Музея в секциях загорелась длительная борьба. Накануне общих собраний секций в первую декаду фруктидора (27 августа) ораторы правого и левого крыла в Якобинском клубе (Реаль, Дюфурни, Мор и Монэтье) нападали на адрес секции Музея и предлагали членам клуба выступить на другой день против него в секциях. Об отношении секций к адресу секции Музея правотермидорианская газета «Вечерний вестник» писала 29 августа 1794 г.: «Известная петиция секции Музея совсем не имела того успеха, да который невидимому рассчитывали его авторы; во всех секциях ее самым энергичным образом подвергли поруганию». Далее газета указывала на Лепрэ и на двух членов революционного комитета секции Музея сапожника Сервиера и бывшего vicария Шассана - как на виновников агитации в названной секции.²¹ «Политические новости» от 31 августа также отмечали единодушие, о которым секции столицы отвергли желания одной из них и выразили свое доверие Конвенту. Сообщения этих правых газет прикрашивали, однако, положение вещей в пользу Конвента. Адрес секции Музея нашел себе отклик прежде всего в Антуанском предместье. Вот что доносила на этот счет полиция на другой день после общих собраний секций 27 августа: «В Антуанском предместье граждане жалуются на то, что Национальный конвент не предоставил народу права выбирать своих магистратов; они говорят, что революционное правительство не должно противодействовать этому праву, проистекающему из самой природы. Адрес секции Музея относительно этого предмета был прочитан в секции Монтрейль, которая присоединилась к нему». Сообщая об агитации в Антуанском предместье, «Correspondance politique de Paris» писала 25 августа, что стремятся поднять Антуанское предместье и что один оратор предложил пригрозить Конвенту давлением со стороны народа, если Конвент не выполнит своего долга.

Об отвержении адреса секции Музея заявили на заседания Конвента 28 августа 1794 г. делегации только от 4 секций: Гренельского фонтана, Муция Сцеволы, Арси и Хлебного рынка. Представитель мелкобуржуазной секции Хлебного рынка, с одной стороны, признавал необходимость революционного правительства, а с другой - нападал на террор, требовал, подобно Фрерону (на заседании 26 августа), свободы печати и говорил о борьбе как против аристократии, так и против людей, сожалевших об окончившемся царстве крови. Бурдон из Уазы в ответе делегации секции Гренельского фонтана насчитал только 8 секций, которые подобно названной секции высказались против адреса секции Музея. Другие депутаты в частности называли секции Горы, Пик и Красного колпака. Таким образом против адреса секции Музея были: 1 буржуазная секция (Горы), 3 - с значительным буржуазным населением (Арси, Гренельского фонтана и Муция Сцеволы) и 3 мелкобуржуазные секции (Хлебного рынка, Пик и Красного колпака), причем делегации от последних двух секций в Конвент, по-видимому, не являлись. Ни одна секция с значительным ремесленно-рабочим населением не высказалась против адреса секции Музея.

Кампанию, начатую секцией Музея, продолжал Электоральный клуб, который представил 6 сентября 1794 г. (20 фруктидора II г.) в Конвент петицию с требованием неограниченной свободы печати и избрания должностных лиц народом. Левый термидорианец Билло-Варенн выступил с обвинением Электорального клуба в том, что он всегда был очагом контрреволюции и принимал участие в заговоре Эбера. Проявляя свое недоверие к низам населения, Билло-Варенн указывал в качестве «признака» заговора неумение оратора делегации читать. Петиция была отослана на рассмотрение Комитета общественной безопасности. Еще накануне представления петиции был арестован Варле, а потом и Бодсон, один из авторов этой петиции. Секция Варле - Прав человека - постановила 16 сентября (30 фруктидора) ходатайствовать об его освобождении.²² Петиция Электорального клуба была поддержана несколькими секциями и клубами. В то время как Бабеф в № 3 своей «Газеты свободы печати» от 8 сентября 1794 г. (22 фруктидора II г.) взял под защиту Электоральный клуб и протестовал против ареста Бодсона и Варле, делегация от секции Муция Сцеволы, отвергшей и адрес секции Музея, требовала 8 сентября от Конвента принятия суровых мер против Электорального клуба, и Конвент постановил превратить в госпиталь часть здания епископства, занимаемую Электоральным клубом.

Через декаду 16 сентября (30 фруктидора) в Конвент вторично явилась депутация от Электорального клуба, которая, отмечая в своем выступлении оказанные клубом революции услуги, протестовала против обвинений Билло-Варенна и требовала освобождения арестованных Бодсона и Варле. И снова Билло-Варенн обвинял клуб и Бодсона в эбертизме, и снова петиция по его требованию была передана на рассмотрение Комитета общественной безопасности. На другой день, 17 сентября, антиробеспьеристская секция Гравилье высказалась в Конвенте в духе петиции Электорального клуба за свободу печати, за 2 заседания секций в декаду, за замену террора справедливостью и за Конвент как объединяющий центр. 28 сентября (7 фруктидора) депутация от Электорального клуба снова безуспешно пыталась добиться от Конвента освобождения Варле и Бодсона, арестованных; только за свободное выражение своих мнений, в петиции, представленной в Конвент, и просила отменить постановление 8 сентября об очищении клубом здания епископства. В тот же день вечером клубом был принят текст новой петиции, которую он разослал с комиссарами во все секции с предложением присоединиться к ней. На другой день в помещении клуба был произведен разгром. 1 октября (10 вандемьера) Электоральный клуб представил в Конвент новую петицию, указывая в то же время на солидарность с петицией многих граждан Парижа. Петиция требовала от Конвента восстановления Парижской коммуны, выборов гражданами своих магистратов, двух заседаний для секций в декаду и большей свободы для торговли. Президент собрания ответил, что Конвент сохранит революционное правительство. Петиция снова была отослана в Комитет общественной безопасности, равно как и ряд других петиций, о которых глухо упоминает отчет «*Moniteur*». Бабеф, опубликовав в тот же день петицию в «Газете свободы печати», солидаризовался со всеми отмеченными ее пунктами кроме требования большей свободы для торговли.

Петиция Электорального клуба была действительно поддержана многими секциями. По сообщению полиции, большая часть секций приняла 1 октября постановление отправиться в Конвент и требовать от него восстановления двух заседаний в декаду, мер для оживления торговли и особенно мероприятий, которые могли бы успокоить насчет недостатка продуктов. 2 октября, по донесению той же полиции, многие секции представили в Конвент петиции, домогаясь собраний 1 раз в пентаду, наказания изменников и мер для обеспечения торговли и продовольствия. Отчет «*Moniteur*» о заседании Конвента 2 октября говорит о двух секциях - Музея и Революционной, - что они заявили о своем присоединении к петиции Электорального клуба, и, кроме того, коротко упоминает, что еще некоторые секции требовали двух заседаний в декаду. «*Journal de Perlet*» от 6 октября называет 12 секций, которые присоединились к петиции Электорального клуба: Республики, Музея, Сите, Пантеона, Монмартрского предместья, Ломбар, Арси, Коммуны, Гравилье, Кенз-Вен, Монтрейль, и Революционную. Одновременно газета сообщает, что Электоральный клуб перенес свои заседания в зал общих собраний секции Музея. Бабеф в № 23 «Трибуна народа» от 5 октября перечисляет 11 из названных секций, кроме секции Коммуны, и, кроме того, еще 6 следующих секций: Тампля, Арсенала, Бон-Нуviel, Северного предместья, Рынка и Монблана. Но сообщение Бабефа о последних 6 секциях нуждается еще в подтверждении со стороны других источников.²³ Во всяком случае, не менее 12 секций определенно высказались за петицию Электорального клуба, и это были преимущественно секции, населенные беднотой, а именно: демократическая секция Республики и 7 секций с значительным ремесленно-рабочим населением - Музея, Монмартрского предместья, Монтрейль, Кенз-Вен, Пантеона, Гравилье и Бон-Нуviel, причем последние 3 секции выступали раньше на стороне «бешеных» и эбертистов. Что же касается 4 секций с значительным (Арси и Ломбар) или преобладающим буржуазным населением (Сите и Революционная), то нужно иметь в виду наличие в них и бедноты, и предшествовавшее влияние эбертистов в первых трех из них.²⁴

Электоральный клуб, перенесший свои заседания в зал общих собраний секции Музея, не прекращал, однако, своей агитации против революционного правительства и продолжал поддерживать связь с арестованным Варле и журналом Бабефа, на что не раз указывали термидорианские газеты. 12 октября был арестован председатель клуба Легрэ, а 24 октября аресту подверглись Бабеф, новый председатель и секретарь клуба, причем на бумаги последнего были наложены печати. Мерлен из Тионвилля, сообщая об этом 26 октября Конвенту, указывал в качестве причины ареста на клеветническую речь Бабефа против Национального конвента и на напечатание этой речи по постановлению клуба. Речь шла о № 27 «Трибуна народа» от 13 октября, где Бабеф выступил с резкими нападениями на Конвент.²⁵ После этих репрессий заседания Электорального клуба в секции Музея продолжались еще недели 4 и прекратились лишь через декаду после закрытия 11 ноября Якобинского клуба. Конвент сделался уже общим врагом для Якобинского и Электорального клубов, и на заседании Электорального клуба 29 октября один заявил, что когда гильотинировали Коммуну, гильотинировали лучших патриотов. 10 ноября, т.е. накануне разгона Якобинского клуба золотой молодежью, газета «*Vedette*» сообщала о продолжающихся заседаниях Электорального клуба и о подготовке там петиции Конвенту против тех, кто стремится закрыть их общество. После закрытия Якобинского клуба антиякобинские газеты призывали к закрытию и Электорального клуба, донося, что якобинцы находят в этом клубе прибежище, продолжая там свои заседания.²⁶ В одной статье, помещенной в «*Moniteur*» от 18 ноября, сообщалось о продолжающихся заседаниях Электорального клуба в секции Музея и о заполнении трибун клуба женщинами, которые меняют свои мнения и ищут руководства, но остаются постоянными в своей любви к свободе. По донесению полиции от 18 ноября, на заседании Электорального клуба жаловались на преследования патриотов, на их аресты и на подкупов журналистов. Последние сообщения газет об Электоральном клубе от 23-24 ноября говорят об отказе секции Музея Электоральному клубу в зале для заседаний.

Таким образом было покончено с одним очагом агитации, которая велась за выборные права секций и улучшение материального положения страдающих от нужды, находила сочувствие среди бедноты и вдохновлялась противниками Робеспьера, но обратилась против Конвента, вставшего на путь буржуазной реакции.

Параллельно агитацией против революционного правительства, которую вели в секциях секция Музея и Электоральный клуб, Якобинский клуб развивает в сентябре 1794 г. агитацию за революционное правительство, вовлекая в это движение и секции. Исходным пунктом этой агитации явился адрес народного общества Дижона, зачитанный 5 сентября в Конвенте, а вечером того же дня и в Якобинском клубе. Последний постановил разослать этот адрес по армиям, всем народным обществам и секциям. Адрес Дижона требовал немедленной организации по всем дистриктам революционных комитетов, ареста ими подозрительных согласно закону 17 сентября 1793 г., ограничения свободы печати, борьбы с модеранризмом и устранения от общественных должностей бывших дворян и священников.²⁷ В сентябре и октябре в Конвент и в Якобинский клуб являются делегации от секций и высказываются за или против этого адреса Дижона. В то же время приходилось защищать народные общества, поход против которых открыли правые термидорианцы. 17 сентября несколько делегаций от секций явились в Конвент и в Якобинский клуб, высказываясь там в духе адреса Дижона. В Конвенте выступали делегации от секций Тюильри и Боконсейль. Делегация от буржуазной секции Тюильри, где очевидно правые элементы еще не одержали победы, предлагала Конвенту наказать федералистов, аристократов и расточителей общественных денег и оказать покровительство патриотам и народным обществам. «Роялизм и федерализм, - говорила делегация, - осмеливаются дерзко поднимать голову; проповедуется система модераннизма; открыто говорят о роспуске народных обществ. После того как роспуск народных обществ будет произведен, эти самые люди пойдут гораздо далее: скоро они не замедлят напасть на Национальное представительство». Мелкобуржуазная секция Боконсейль высказывалась за сохранение народных обществ, за освобождение патриотов и за выполнение закона о подозрительных. Наоборот, секция Гравилье - главная опора «бешеных» - выступила, как мы видели выше, на том же заседании Конвента против террора и адреса Дижона и за петицию Электорального клуба.

В тот же день делегация от тех же двух секций - Тюильри и Боконсейль - и еще от четырех секций - Горы, Финистер, Шалье и Монблана - заявили в Якобинском клубе о присоединении к адресу Дижона и о своем возмущении антиякобинскими памфлетами, которые тогда во множестве распространялись в Париже. Из речей делегации видно, что в секциях шла ожесточенная борьба за и против якобинцев. Наиболее умеренным языком говорила делегация от буржуазной секции Горы, призывавшая к защите республики и называвшая «истинных якобинцев» душой республики. Демократическая секция Боконсейль огласила свой адрес, зачитанный в Конвенте, и ответ делегации президент клуба заявил, что «модераннизм является скрытой дорогой к роялизму, а свобода печати - бесчестным оружием, при помощи которого хотят вернуть роялизм». По сообщению одного из членов общества к адресу Дижона присоединилась и секция Гренельского фонтана. Нужно отметить, что секции Горы и Гренельского фонтана, где было много буржуазных элементов, считали для себя более приемлемым адрес Дижона, чем адрес секции Музея, который они отвергли. Яростно нападая на попытки Якобинского клуба опереться на секции в тот момент, когда против него началась травля, антиякобинский «Вечерний вестник» писал об агитации в секциях продолжателей Робеспьера, рыцарей гильотины и революционных комитетов, запятнавших революцию произвольными заключениями в тюрьмах. Цель агитации, по словам газеты, в том, чтобы «устроить суд над революцией 9 термидора и восстановить систему преследования и террора против граждан».

Против адреса Дижона высказалась 22 сентября в Конвенте делегация одной из секций южных предместий Пантеона, которая позднее, 1 октября, заявила о своем присоединении к петиции Электорального клуба. Эта секция, где в марго 1794 г. были сторонники Эбера, теперь осуждала террор и мятежную робеспьеристскую коммуну и признавала Национальное представительство единственным центром объединения, но осторожно упоминала и о том, что Декларация прав всегда была знаменем для секции?? Пантеона. В то же время делегация сообщала, что представители секций Единства и особенно Шалье настойчиво стремились добиться от секции Пантеона присоединения к адресу Дижона. О борьбе в секции Пантеона в связи с адресом Дижона сообщала и делегация секции Шалье на заседании Якобинского клуба 17 сентября. Из позднейших выступлений секций в Конвенте видно, что к адресу Дижона присоединились одно время и секции Арси и Бон-Нувель, но они же высказывались и за петицию Электорального клуба и меняли свою позицию, а 12 и 15 октября, как мы увидим ниже, отказались вместе с секцией Монблан от своих первоначальных резолюций.

Неотчетливость классовой позиции некоторых секций объясняется смешанным составом их населения и борьбой этих разнородных в классовом отношении элементов. Для буржуазных секций, например для секции Тампля, адрес Дижона был неприемлем как «террористический». Но часть секций с преобладающим (Тюильри и Единства) или с значительным буржуазным населением (Гренельского фонтана и Арси) присоединилась к адресу Дижона. Это свидетельствует о том, что в этих секциях правые элементы еще не одержали верх. Из мелкобуржуазных секций особенно агитировали за адрес Дижона секции Боконсейль и Шалье. Большинство секций с значительным ремесленно-рабочим населением определенно тяготело к адресу секции Музея и к петиции Электорального клуба, но часть из них (Финистер, Бон-Нувель и Монблан) одобрила адрес Дижона, причем позиция последних двух секций (Бон-Нувель и Монблан), которые по характеру своему приближались к секциям мелкобуржуазным, не отличалась устойчивостью.

К октябрю 1794 г. в секциях сильно обострилась антиякобинская кампания. На собраниях 1 октября в буржуазных секциях происходила яростная борьба между бывшими членами революционных комитетов и «порядочными гражданами». О таковой борьбе в секции Вильгельма Телля сообщал на заседании Конвента 3 октября Мерлен из Тионвилля. Выступавший после него депутат Лапорт указывал под аплодисменты на то, что «в Париже, как и, во всех крупных городах, существует каста привилегированных людей, которые считают патриотами исключительно себя и называют аристократами всех тех, кто не получил свидетельства, о цинизме во время их оргии». Лапорт призывал к ограждению «добрых граждан» от подавления «злодеями» и к проведению «демаркационной линии между добрыми и дурными должностными лицами».

3 октября в Конвент явилась депутация от секции Лепеллетье, обвинявшая одного из бывших членов Революционного трибунала Кретьена в том, что, он возбуждал беспорядки в секции и не покинул якобинцев 8 и 9 термидора. Конвент постановил арестовать Кретьена.

Серьезная опасность, начавшая угрожать существованию Якобинского клуба и народных обществ, побудила ряд секций послать 2 октября депутации в Якобинский клуб с заявлением о поддержке клуба. В секциях в защиту Якобинского клуба выступая монтаньярский депутат и редактор газеты «Journal universel» Одуен (Audouin), и согласие с его речью выразила не только демократическая секция северных предместий Пуассоньер, но и буржуазная секция Горы. Обещала поддержать Якобинский клуб и Конвент также депутация от буржуазной секции Лепеллетье, которая, по-видимому, возлагала еще надежды на победу в Якобинском клубе правого крыла. Отмечая, что одни и те же презренные члены были не только в якобинском обществе, но и в самом Конвенте, депутация от этой секции заявила: «Секция Лепеллетье уполномочила нас выразить вам свою преданность принципам, которые исповедуете вы». В Якобинский клуб явились 2 октября депутация даже от двух секций - Республики и Бон-Нуviel, - присоединившихся к петиции Электорального клуба. Секция Республики заявила, что существование якобинского общества является «одним из священнейших прав народа», а секция Бон-Нуviel сообщала о сожжении ею одного из антиякобинских памфлетов, об отпоре, данном на общем собрании секции одному гражданину, осмелившемуся внести предложение о роспуске якобинского общества, и наконец об отказе от своего постановления от 16 сентября (30 фруктидора), которым секция отвергала адрес Дижона, Вполне в якобинском духе говорила, однако, лишь прежде робеспьеристская секция Пик. Оратор депутации от этой секции прочел сначала адрес секции Конвенту против антиякобинских памфлетов, наводнявших улицы Парижа. Этот адрес был представлен утром того же дня Конвенту и встретил там холодный прием, В дальнейшей своей речи оратор говорил: «Поднимаются тучи против вашего существования или скорее против республиканских принципов, но преступление будет скоро наказано... Будьте всегда тверды, никогда не вступайте в сделку, произведите среди себя чистку, если это необходимо... Здесь нужно видеть только маратистов, добродетельных друзей Конвента, далеких от того, чтобы соперничать с ним; вы создадите оплот для его доблести и энергии. При этом условии секция Пик хочет побрататься с этим знаменитым обществом, которое презирает все опасности, все бури и которому потомство воздаст должное, хотя оно имеет полное право ожидать признания заслуг и от своих современников».

Но в некоторых мелкобуржуазных секциях победили уже противники якобинцев, выдвигавшие лозунг поддержки только Конвента. Такую горячую поддержку обещала Конвенту 4 октября секция Соединения, сообщая в то же время о собранной секцией на патриотические цели деньгах. Конвент принял депутацию очень благосклонно, а президент собрания Андре Дюмон призывал к дальнейшей борьбе о «агентами тирана» (т.е. Робеспьера), агитирующими в секциях.

Электоральный клуб предпринял с своей стороны попытку создать общий фронт против буржуазной реакции. 8 октября депутация от Электорального клуба явилась в Якобинский клуб, зачитала свой адрес к Конвенту и призывала к единению против клеветников и врагов народных обществ. Но ораторы Якобинского клуба заявляли, что якобинцы являются сторонниками революционного правительства и не хотят вмешиваться в отношения между Конвентом и Электоральным клубом. Якобинский клуб не откликнулся на призыв Электорального клуба и перешел к порядку дня. Рознь между Якобинским и Электоральным клубами и раскол между секциями, из которых часть высказалась за адрес Дижона, а часть за адрес секции Музея и петицию Электорального клуба, облегчили победу буржуазной реакции. Вскоре термидорианскому Конвенту, опиравшемуся прежде всего на буржуазные секции, удалось повести за собою и большинство мелкобуржуазных секций.

9 октября 1794 г. (18 вандемьера III г.) Конвент принял адрес к французскому народу, в котором призывал всех ради спасения республики сплотиться вокруг Конвента. Адрес был направлен как против роялистов, так особенно против якобинцев и сторонников доктрины Бабефа, Варле и Электорального клуба; против всех агитаторов, возвышающих голос более громко, чем Национальное представительство; против прикидывающихся друзьями народа и стремящихся к господству; против говорящих беспрестанно о правах народа, о крови и об эшафотах. Провозглашая собственность священной, Конвент отвергал системы, продиктованные безнравственностью и леностью, и призывал закончить революцию. «Не упускайте из виду, - говорилось в адресе, - что если быстрое и насильственное движение необходимо, чтобы совершить революцию, то спокойствие и благоразумие должны ее завершить... Нужно, чтобы после стольких бурь наступило спокойствие. Корабль республики, потрепанный столько раз штормом, пристает уже к берегу; остерегайтесь оттолкнуть его на подводные камни».

Через несколько дней - 12, 14 и 15 октября - в Конвент явились делегации от ряда секций, чтобы заявить о своей солидарности с адресом Конвента, о своей верности Национальному представительству и о ненависти к его хулителям. Делегации в Конвент послали более 11 секций, из которых в «Moniteur» названы 3 буржуазные секции (Лепеллетье, Арсенала и Елисейских полей), 4 секции с значительным составом буржуазных элементов (Вооруженного человека, Муция Сцевола, Нераздельности и Арси), 1 мелкобуржуазная секция (Хлебного рынка) и 3 наиболее умеренных из секций с значительным ремесленно-рабочим населением (Монблан, Попинкур и Бон-Нувель). Из названных секций секция Лепеллетье послала недавно делегацию в Якобинский клуб. Секция Монблан высказывалась за адрес Дижона, а секция Арси и Бон-Нувель присоединялись то к петиции Электорального клуба, то к адресу Дижона.

12 октября Конвент благодарил за адрес делегации от девяти секций, из которых секции Лепеллетье и Монблан явились в полном составе (en masse), и революционные комитеты двух округов - второго (секции Горы, Лепеллетье, Монблан и Монмартр) и девятого (секции Арсенала, Коммуны, Сите и Братства). В ярко антиякобинском и антидемократическом духе была речь оратора крупнобуржуазной секции Лепеллетье, выступившей через год, 5 октября 1795 г. (13 вандемьера IV г.), во главе буржуазных секций против термидорианского Конвента. «Граждане представители, - говорил этот оратор, - граждане секции Лепеллетье могут наконец свободно прийти к вам, чтобы выразить свои желания, и на этот раз высокий порыв признательности народа не будет подавлен» Секция Лепеллетье свергла невыносимое иго неистовых анархистов. Она поднялась, и вы видите, что она в полном составе явилась в среду Национального представительства, чтобы выразить чувства своего неизменного республиканизма и мужества, которые она всегда будет иметь ради сохранения свободы. Война на смерть тиранам, плутам, мошенникам, аристократам, людям крови и всем, нечистым шайкам разбойников-опустошителей, прирожденных врагов человеческого рода, созданных скорее чтобы обитать с антропофагами (людоедами), чем жить среди свободного народа, который всем пожертвовал, чтобы заслужить сладость равенства и братства. Граждане представители, не сомневайтесь, - это жестокие люди, заставляющие бледнеть природу, приходят требовать от вас возвращения к террору! Когда вы свалили Капета и Робеспьера, это свобода убила террор, а когда вы теперь поражаете продолжателей Робеспьера, это террор падает под ударами свободы.

Граждане представители, мы обращаем ваше внимание на теперешний состав комитетов секций; там находится много зачинщиков и интриганов. Народ часто имеет повод жаловаться на то, каким образом принимают его в этих комитетах лица, занимающие эти места с начала революции и усвоившие привычку править аристократически. Вследствие этого мы просим вас сменять этих должностных лиц так часто, как ваша мудрость сочтет это нужным. Граждане представители, мы закончим, благодаря вас за адрес, с которым вы только что обратились к французскому народу. Мы слышали вчера его чтение, и мы признали в нем наши собственные чувства и вечные принципы истинной справедливости и любви к отечеству».

Чтение этого адреса часто прерывалось криками, повторявшимися тысячу раз: «Да здравствует республика и Национальный конвент!» В особенности народ проявил радость по поводу уверения, что вы останетесь на посту, который он вам доверил. «Да здравствует республика, да здравствует Конвент!» Речь эта часто прерывалась аплодисментами. Секция Арсенала заявляла об единодушном одобрении ею адреса Конвента.

Нападки на якобинцев содержала и речь оратора делегации от секции Вооруженного человека. «Ваш адрес французскому народу, - говорил он, - будет впредь факелом, под которым поместят аристократов и умеренных, разыгрывающих роль республиканцев, плутов, расточителей, интриганов, стремящихся в господству, и сумасбродных, кричащих в своей ярости, что единственно они являются истинными патриотами. С вашим адресом в руке все честные люди (le homes de bien) не будут подавляться террором; они осмелятся говорить языком, который является вашим языком... Строгость к преступлениям, но покровительство невинности; почет честности, позор интриганам и плутам; война всем тиранам, всем, стремящимся к господству; революционное правительство до заключения мира. Полная преданность единой и нераздельной республике; доверие и преданность единому Национальному конвенту». Секция заявляла об единодушии среди нее всех «добрых граждан». Конвент постановил напечатать адрес секции Вооруженного человека.

Секция Муция Сцевола также резко высказывалась против террористов и против тех, «которые утверждают, что общественное мнение принадлежит исключительно народным, обществам, в которых непосредственно и пребывает (reside) народный суверенитет». Делегация провозглашала свободу печати и мнений и «войну на смерть людям крови, которые хотели бы восстановить царство террора».

Представитель секции Нераздельности заверял, что принципы адреса Конвента «запечатлены в сердцах всех добрых граждан, достаточно многочисленных, чтобы поддержать друзей свободы», и высказывался за «снисхождение к ошибкам, строгость в преступлениях, одним словом, за строгую справедливость».

Речь делегаций от секции Арси показывает, какая сильная борьба происходила в этой секции и как в связи с этим менялась самая позиция секции. Оратор делегации говорил о первоначальной победе в секции продолжателей Робеспьера, которым временно удалось ввести в заблуждение граждан и побудить их одобрить адрес Дижона. Однако через 2 декады верх одержали противники террористов. «Мы хотим, - заявляла делегация, - революционного правительства, но не правительства крови». Секция Арси отказывалась также и от своего присоединения к петиции Электорального клуба.

В таком же духе была и речь оратора секции Хлебного рынка. «Законодатели, - говорил он, - граждане секции Хлебного рынка читали ваш адрес к французам; единодушные аплодисменты доказали, что ваши чувства являются чувствами всех граждан секции. Свобода не является фурией, вооруженной кинжалом и пресытившейся кровью; свобода, которую вы провозглашаете, свобода, которой мы поклоняемся, является благодетельным божеством, которое сопровождают все блага жизни. Мы хотим ее. Заставьте умолкнуть разбойников, которые хотят другого. Думайте только о счастье народа; у нас будет лишь один крик - свобода, равенство, лишь один центр объединения - Конвент».

Представитель канониров секции Друзей отечества призывал к борьбе с продолжателями Робеспьера.

Оратор секции Монблан, указывая, что раньше в секции господствовали «лица, введенные в заблуждение или коварные», заявлял об отказе секции от «контрреволюционного» адреса Дижона и о согласии с адресом Конвента. «Секция Монблан, - говорил он, - с энтузиазмом выслушала ваш прекрасный адрес к французскому народу; она с признательностью видит, что вы без усталы заботитесь о счастье народа, покровительствуете наукам, оживляете торговлю и воздаете за добродетель, наказывая за преступление».

Секция Попинкур выражала свое согласие с адресом Конвента и обещала оказать ему полную поддержку.

14 октября о присоединении к адресу Конвента заявила аристократично-буржуазная секция Еписейских попей. «Ваш адрес к французскому народу, - указывала ее депутация, - нанес последний удар интриганам... Этот адрес является дополнением к вашей работе. Если вы сумели победить 9 термидора, то потомство не будет вас упрекать, что вы не умеете использовать победу; народ французский обязал вас своим счастьем».

15 октября в Конвент явилась в полном составе секция Бон-Нувель, чтобы заявить о своей солидарности с адресом Конвента. Секция протестовала против клеветнического обвинения, которое; выдвинул в Якобинском клубе один из бывших членов революционного комитета секции, будто в секции Бон-Нувель аристократы и умеренные противились чтению адреса Конвента.²⁸ Далее оратор секции останавливался на внутренней борьбе в секций вокруг адреса Дижона, который то был отвергнут, то на следующем собрании принят благодаря кучке бывших террористов.

На том же заседании Конвента члены комитета секции Красного колпака обличали сторонников террора и тирании. Нужно однако отметить, что выступавшие от демократических секций Красного колпака и Друзей отечества не имели полномочий от общих собраний. Против террора высказывался и революционный комитет третьего округа (секции Брута, Пуассоньер, Общественного договора и Вильгельма Телля), заседавший в секции Брута. Кроме того, «Moniteur» упоминает, что многие другие секции и революционные комитеты сделали Конвенту заявления в том же духе. Что секции были с Конвентом и против Якобинского клуба, это отмечала и немецкая газета «Vossische Zeitung».

Имея за собой поддержку со стороны значительного числа секций, Конвент, перешел в наступление против Якобинского клуба и принял 16 октября 1794 г. (2 вандемьера III г.) суровый декрет, направленный против народных обществ и запрещавший им иметь филиальные отделения, сноситься между собой и представлять коллективные петиции, не подписанные индивидуально. Некоторые статьи этого декрета показались слишком реакционными даже умеренному буржуазному республиканцу Тибодо, который выступил против запрещения обществ иметь отделения и сноситься между собой. «Меня ужаснули, - сказал он, - различные статьи этого проекта. Я не понимаю, как можно было отнять у обществ свободных людей возможность сообщаться друг с другом (*romot*)... не народные общества нужно обвинять в бедствиях, терзающих республику, а несчастным образом сложившиеся обстоятельства, заговоры самого правительства, так как правительство создает общественную мораль». Особенно сильно защищали проект против народных обществ бывшие дантониисты. Бурдон из Уазы указывал на соперничество народных обществ Конвентом и говорил, что те, которые являются противниками неограниченной свободы печати, не должны защищать свободу, сношений обществ между собой. Тюрио стремился доказать, что декрет направлен не против народных обществ, а против злоупотреблений их правами, и не против права петиций, а против и их несвободного характера.

Насколько далеко зашла реакция против террора даже в некоторых секциях предместий, показывает выступление в Конвенте 25 октября депутации от секции Пантеона, которая благодарила Конвент за его адрес и требовала пересмотра революционных законов и в частности закона 17 сентября 1793 г. о подозрительных. В ответ депутации Клозель заявил под аплодисменты членов Конвента: «Не нужно, чтобы аристократы думали, что Конвент хочет покровительствовать аристократии, поставив гуманность в порядок дня». Конвент перешел в порядок дня.

Донесение полиции от 31 октября отмечало спокойствие в секциях.

Дальнейшие выступления секций в ноябре связаны были с закрытием Якобинского клуба и арестом Каррье за его террористическую деятельность в Вандее. Общие собрания секций, состоявшиеся 10 ноября (20 брюмера III г.), на другой день после нападения мюскаденов на Якобинский клуб, были более благоприятны для якобинцев, чем собрания секций 20 ноября (30 брюмера), происходившие уже после закрытия Якобинского клуба. Известно по крайней мере, что 10 ноября за якобинцев высказались секции Горы, Муция Сцеволы и Друзей отечества, которые 21 ноября отказались в Конвенте от своих постановлений, принятых на декаду раньше. В защиту Якобинского клуба перед самым его разгоном выступила в Конвенте и ноября депутация от секции Друзей отечества. Она требовала от Конвента наказания тех, кто совершает покушение на народные общества, установленные конституцией, и провозглашала лозунг: «Да здравствуют народные права! Да здравствует республиканская конституция 1793 г.!» По поводу этой петиции в Конвенте произошло резкое столкновение между монтаньярами и правыми термидорианцами, причем большинство Конвента высказалось за отсылку петиции в Комитеты.

На другой день, 12 ноября, когда Якобинский клуб был уже разогнан золотой молодежью, в Конвент явились делегации от секций Монблан и Братства, которые высказались против якобинцев и благосклонно были приняты Конвентом. Секция Монблан явилась в полном составе и напала на централизацию народных обществ. Мелкобуржуазная секция Братства, бывшая 9 термидора сначала за робеспьеристскую Коммуну, теперь резко выступила против мятежников и террористов. 21 ноября приветствовать Конвент с закрытием Якобинского клуба явились кроме упомянутых выше секций Горы, Муция Сцеволы и Друзей отечества секции Лепеллетье, Прав человека и Гренельского фонтана. Из этих 6 секций 5 были секциями с преобладающим. (Лепеллетье, Горы и Прав человека) или значительным буржуазным населением (Гренельского фонтана и Муция Сцеволы) и 1 мелкобуржуазная (Друзей отечества).

Для секции Лепеллетье закрытие Якобинского клуба было «новым торжеством свободы», причем секция прямо говорила, что по отношению к якобинцам «все средства хороши» и что «революционное правительство долгое время было в руках злонамеренных, которые пользовались им, чтобы проливать кровь невинных». Секция Горы упрекала общество якобинцев в соперничестве с Конвентом и называла его очагом «контрреволюции». Этот упрек в соперничестве с Конвентом повторил и оратор секции Прав человека, которая еще раз явилась приветствовать Конвент за его энергию. Оратор секции Гренельского фонтана, также явившейся в полном составе, обвинял общество якобинцев в том, что оно стремилось командовать общественным мнением и узурпировало народный суверенитет. «Пробуждение льва, - говорил он, имея, очевидно, в виду речь Билло-Варенна, произнесенную 3 ноября в Якобинском клубе, - было бы ужасным, но народ, более сильный, чем лев, лишил его возможности вредить». Секция Муция Сцеволы отказывалась от своего постановления в защиту якобинцев, принятого 10 ноября к концу заседания очень небольшим числом граждан, введенных в заблуждение комиссарами секции Горы. Заявляя себя сторонницей республики и демократического правительства, секция резко высказалась против кровопийц. Конвент постановил напечатать адреса секций Лепеллетье, Гренельского фонтана и Муция Сцеволы. Секция Друзей отечества дезавуировала свой адрес Конвенту от 11 ноября, который, по словам «Республиканского курьера», «вызвал такой скандал в Национальном конвенте». По заявлению одного из депутатов адрес 11 ноября был делом рук интриганов и особенно Кайо, бывшего члена Коммуны.

На заседании Конвента 24 ноября было зачитано много новых приветственных адресов по поводу закрытия Якобинского клуба, в частности Конвент приветствовали делегации от буржуазных секций Вильгельма Телля и Французских гвардейцев и от демократической секции Брута. Сильно нападая на общество якобинцев, оратор секции Вильгельма Телля обвинял это общество в том, что оно было против свободы печати, защищало террор и призывало к гражданской войне. Секция Французских гвардейцев, явившаяся en masse, приписывала Якобинскому клубу стремление над всеми господствовать. Секция Брута, где 9 термидора произошел раскол, обличала теперь общество заговорщиков, продолжателей Робеспьера, и призывала заковать льва в цепи.

25 ноября Конвент приветствовали за закрытие Якобинского клуба делегации от 6 секций, из которых 2 были буржуазные (Елисейских полей и Сите), 2 - мелкобуржуазные (Хлебного рынка и Друзей отечества) и 2 - с значительным ремесленно-рабочим населением (Бон-Нувель и Монмартр). Все они повторяли шаблонные и отмеченные выше обвинения по адресу Якобинского клуба в соперничестве с Конвентом, приверженности к террору и в стремлении господствовать. Секция Бон-Нувель, которая еще после ареста эбертистов выступала 15 марта 1794 г. против торговцев как главных виновников продовольственного кризиса, теперь самую нужду приписывала правлению террористов.

Секция Друзей отечества вторично и на этот раз en masse явилась в Конвент, чтобы заявить о своем отказе от адреса, представленного 11 ноября кучкой террористов, и о принятом общим собранием секции постановлении вычеркнуть из протоколов секции эту петицию «как гибельную для свободы и контрреволюционную».

1 декабря еще 8 секций - Революционная (Нового моста), Вооруженного человека, Арси, Общественного договора, Боконсейль, Марата, Бон-Нувель и Пуассоньер - послали делегации, чтобы выразить свою преданность Конвенту, а некоторые из них и для того, чтобы осудить свои прежние постановления. Секция Революционная с преобладающим буржуазным населением сообщала Конвенту о решении своего общего собрания переменить название секции на прежнее - Нового моста, так как название «Революционная» было ей дано «при царстве Робеспьера, мятежной Коммуны и их соучастников». Секция отказывалась также от своего прежнего постановления, одобрявшего петицию Электорального клуба и «принятого некоторыми интриганскими или обманутыми». Заявляя теперь о своем согласии с адресом Конвента от 9 октября и заботясь об обеспечении личности и собственности, секция Нового моста требовала не ограничиться закрытием тиранического общества, а начать чистку общественных учреждений от сторонников якобинцев.

Делегация от секции Вооруженного человека, высказываясь вполне в духе либеральной буржуазии, упрекала якобинцев в борьбе против свободы, промышленности, талантов, мнений и собственности и призывала к покровительству земледелию, промышленности, торговле, наукам и искусствам, к оказанию помощи трудящимся беднякам и к чистке среди должностных лиц.

Делегация от секции Арси высказывала тот взгляд, что «секции всех коммун республики являются истинными народными обществами. Именно там народ может с большею пользою обсуждать общественные дела. Важно, однако, чтобы все граждане не пренебрегали посещением их; нужно, чтобы каждый приводил туда в настоящий момент для того, чтобы заглушить коварный голос этих кровожадных патриотов». Секция Арси приглашала Конвент и далее проводить «политику справедливости и твердости», которой он придерживался после 9 термидора. Эта секция, где было много буржуазных элементов, явно стремилась создать для них перевес на общих собраниях секции.

Представитель секции Общественного договора, являвшейся одной из умеренных секций с преобладающим мелкобуржуазным населением, говорил о конце тирании и террора и о покровительстве закона «честным людям». Другая мелкобуржуазная секция Боконсейль дезавуировала свое прежнее постановление о присоединении к адресу Дижона, приписывая его кучке интриганов и введенных в заблуждение граждан. Секция теперь призывала к милосердию к введенным в заблуждение гражданам, а наказанию, но не смертью, виновных, к созданию вокруг террористов атмосферы общественного презрения и к изданию законов, способствующих процветанию торговли, земледелия и ремесел.

Демократическая секция Марата, которая 9 термидора встала сначала на сторону робеспьеристской Коммуны, поздравляла Конвент за «благодетельный декрет» о закрытии «общества, когда-то своим патриотизмом, но ставшего только убежищем мятежников и устраивающего заговоры против Национального представительства». Секция полагала, что «мягкие проявления братства лучше укрепят республику, чем пролитие крови», и выражала надежду, что Конвент при помощи мудрых законов и всех средств общественного воспитания объединит всех вокруг «общего интереса и общественного блага». Все эти заявления типичны для мелкобуржуазных элементов секции Марата. Но в то же время эта секция, где в марте 1794 г. были сторонники Эбера, выражала свое беспокойство относительно растущей дороговизны, хотя и надеялась еще на положительные последствия новой экономической политики термидорианского Конвента. «Законодатели, - говорил оратор депутации, - мы обнаруживали бы сильное беспокойство относительно быстрого и ужасного вздорожания всех предметов первой необходимости; если бы мы не видели с признательностью, что вы направляете ваше внимание на администрацию продовольствия, на дороговизну съестных продуктов, на реквизиции и на покровительство, в котором нуждается торговля».

Секция Бон-Нуviel, «богатство которой, - по словам ее депутации, - равняется ее рвению и патриотизму», передавала собранную ею на усиление морских сил сумму в 6085 ливров, и заявляла о своей преданности Национальному представительству и революционному правительству, что означало отказ от согласия с адресом секции Музея и петицией Электорального клуба. Секция Пуассоньер, бывшая до октября еще за Якобинский клуб, отказывалась от принципов, изложенных в адресе Дижона, и выражала надежду на освобождение арестованных граждан, которые окажутся невинными. Конвент удостоил все эти адреса почетного отзыва и внесения в бюллетень.

Диссонансом прозвучало выступление депутации от благотворительного комитета секции Монтрейль, которая нарисовала ужасную нужду среди 3 тыс. (из общего числа в 14,5 тыс.) тех из граждан Антуанского предместья, которые оказали большие услуги революции, разрушили Бастилию и трон, а теперь нуждаются в самом необходимом и не имеют отдельных постелей для себя и своих детей. Петиция была отослана в комитет помощи.

Наконец на заседании 3 декабря одна из наиболее якобинских секций - Пик - заявила Конвенту, что она одобряет закрытие Якобинского клуба и считает ошибкой адрес в пользу якобинцев, принятый в начале октября и внушенный «ложными патриотами». Этот адрес от 2 октября постановлено было на общем собрании секции 30 ноября вычеркнуть из протоколов; На том же заседании Конвента буржуазная секция Тампля приветствовала закрытие Якобинского клуба и предание суду Каррье, резко высказывалась против террористов, обвиняла членов бывшего революционного комитета секции в притеснениях граждан и призывала к чистке должностных лиц. Обе петиции были приняты Конвентом так благосклонно, как петиции секций на заседании 1 декабря.

Члены разгромленных клубов - Якобинского и Электорального - находили себе прибежище и сочувствие в Антуанском предместье. По докладу Комитета общественной безопасности, сделанному в Конвенте 15 ноября 1794 г., народное общество Кенз-Вен в Антуанском предместье являлось центром для якобинцев, Электорального клуба и их сторонников. Там произносились речи против Конвента, указывающие на необходимость восстания случае нарушения народных прав; там собирались граждане разных секций; там женщины занимали половину зала. Одновременно сообщалось об аресте двух вожаков движения - Трувилля и Тиссо. Талльен, живший в том же районе, также подтверждал холодность приема, которую он встретил со стороны жителей Антуанского предместья. Указывая, что главным средством возбудить народ является нужда в предметах первой необходимости, особенно в угле, и, нападая на администрацию, ведающую продовольствием, Талльен предлагал обратить внимание на нужду народа, уверяя, что в таком случае жители предместий не пойдут против Конвента. «Снабдите, - говорил он, - эту цитадель революции, дайте народу все, в чем он нуждается, и вы увидите, что скоро он сумеет провести различие между правительством Конвента и правительством якобинцев». Действительно, в жерминале и прериале III г. предместья проведут это различие, но не в пользу термидорианского Конвента. По сообщению полиции собрание народного общества Кенз-Вен, состоявшееся 22 ноября, было малочисленным и привяло адрес к Конвенту об освобождении Трувилля и Тиссо.

Сомнение вызывало у агентов полиции после закрытия Якобинского клуба и настроение секции Красного колпака. Прежний революционный комитет этой секции был предан суду и приговорен к 20 годам заключения и к выставлению на позорной скамейке на Гревской площади в течение шести часов. 28 ноября 9 членов этого комитета были выставлены на осмеяние антиякобинской толпы, в которой было много «порядочных людей», т.е. лиц из буржуазии. Десятый член ранил себя ножом и не мог быть выставлен на поругание. Однако даже по признанию «Вечернего вестника», одной из самых реакционных термидорианских газет, якобинцы держались мужественно и обратились к более революционным секциям с приглашением «быть очевидцами происходившей контрреволюционной реакции и мужества, с которым прежние якобинцы отвечают на очевидное угнетение, от которого они гибнут». Упомянутая газета золотой молодежи говорила даже о некотором сладострастии, (*une sorte de volupte*), с которым ее сотрудники созерцали это выставление на позорной скамейке. Осужденных освистывали, оскорбляли и называли насмешливо «добрými, чистými патриотами».

По сообщению «Республиканского курьера» от 23 ноября сторонники Каррье пытались во многих секциях прочесть его обращение к народу, в котором он оправдывался от возводимых на него обвинений, но секции не захотели вмешиваться в дело Конвента. В секции Единства дюжине лиц удалось было в начале собрания провести постановление о прочтении обращения Каррье, когда собрание стало более многолюдным, это постановление было взято назад. Этот случай показывает, что даже в некоторых секциях с преобладающим буржуазным населением демократические элементы пытались еще бороться против буржуазной реакции.

Наступление буржуазных элементов в секциях сопровождалось требованиями произвести чистку должностных лиц, ввиду того, что они в большинстве поставлены Робеспьером. Донесения полиция отмечали, что в конце ноября 1794 г. в секциях царило спокойствие.

Таким образом, за 4 месяца термидорианскому Конвенту удалось сплотить вокруг себя большинство секций, способствовав перевесу в них буржуазных и умеренных элементов, мы видели, что более половины всех секций одобрило закрытие Якобинского клуба, причем из отмеченных 25 секций в 9 секциях преобладало буржуазное население (Елисейских полей, Горы, Лепеллетье, Французских гвардейцев, Вильгельма Телля, Прав человека, Тампля, Сите и Революционной), в четырех секциях было много буржуазных элементов (Арси, Вооруженного человека, Гренельского фонтана и Муция Сцеволы), 8 секций принадлежали к числу мелкобуржуазных (Пик, Хлебного рынка, Общественного договора, Брута, Друзей отечества, Боконсейль, Братства и Марата) и лишь в четырех секциях жило много бедноты» ремесленников и рабочих (Бон-Нувель и 3 секции северных предместий: Монблан, Монмартр и Пуассоньер

Нужно отметить, что из этих 26 секций, одобривших закрытие Якобинского клуба, 14 секций изменили свою позицию, так как в сентябре-октябре они высказывались либо за петицию Электорального клуба (5 секций: Сите, Революционная, Арси, Бон-Нувель и Монмартрского предместья), либо за адрес Дижона (7 секций: Горы, Арси, Гренельского фонтана, Боконсейль, Бон-Нувель, Монблан и Пуассоньер) и за Якобинский клуб (7 секций: Горы, Лепеллетье, Муция Сцеволы, Пик, Друзей отечества, Бон-Нувель и Пуассоньер), либо то за электоральцев, то за якобинцев (Арси, Бон-Нувель). Кроме того, секция Прав человек ходатайствовала 16 сентября об освобождении Варле.

Как мы видели выше, позиция некоторых секций с разнородным населением была в первые месяцы термидорианской реакции очень неустойчивой. Так, секция Арси, в которой наряду с значительным буржуазным населением жили и ремесленники, 28 августа высказалась против адреса секции Музея и одобрила потом адрес Дижона; 1 октября она присоединилась к петиции Электорального клуба; 12 октября приветствовала адрес Конвента и отказалась от согласия с адресом Дижона и петицией Электорального клуба; наконец 1 декабря одобрила закрытие Якобинского клуба. Другая секция - Бон-Нувель - с смешанным мелкобуржуазным и рабочим населением, среди которого преобладали ремесленники, 16 сентября отвергла адрес Дижона и присоединилась к петиции Электорального клуба, потом приняла адрес Дижона и 2 октября высказалась за Якобинский клуб. 15 октября она одобрила адрес Конвента и дезавуировала свое постановление о согласии с адресом Дижона, наконец 25 ноября после закрытия Якобинского клуба она выразила свою преданность Конвенту и революционному правительству. Одна из наиболее умеренных секций северных предместий - Монблан - высказывалась то за адрес Дижона (17 сентября), то за адрес Конвента (12 октября), то против Якобинского клуба (12 ноября).

Как буржуазные элементы постепенно захватывали в свои руки секции, показывает пример секции Гренельского фонтана, в которой раньше жили дворяне, а во время революции остались мелкие торговцы, интеллигенты и строительные рабочие. 27 августа эта секция отвергла адрес секции Музея, 6 сентября приняла адрес Дижона, 11 сентября отвергла петицию Электорального клуба, т.е. высказывалась в духе Якобинского клуба. В это время в секции господствовали якобинцы, группировавшиеся вокруг монтаньяра Рессона, бывшего члена продовольственной комиссии 11 года, но потом Рессон был арестован, и в секции стали побеждать правые элементы: 21 октября секция отказалась от согласия с адресом Дижона, а 21 ноября приветствовала Конвент за закрытие Якобинского клуба.

Кроме секций, одобривших закрытие Якобинского клуба, нужно принять во внимание еще 14 секций, которые в первой половине октября и отчасти позднее солидаризировались с политикой Конвента, причем из них только 8 секций относятся к тому и другому списку (Елисейских полей, Лепеллетье, Арси, Вооруженного человека, Муция Сцеволы, Хлебного рынка, Бон-Нувель и Монблан). Следовательно к 25 секциям, где восторжествовала буржуазная реакция, нужно присоединить еще 6 секций, из которых 2 были буржуазные (Арсенала и Единства), 1 - с значительным буржуазным населением (Нераздельности), 1 - мелкобуржуазная (Соединения) и 2 - секции предместий (Попинкур и Пантеона). Из названных 6 секций секция Единства высказывалась раньше за адрес Дижона, а секция Пантеона - за петицию Электорального клуба. Таким образом из 31 секции, которые одобрили политику Конвента, 16 секций, т.е. более половины, изменили свою позицию. Из остальных 17 секций, относительно которых в «Moniteur» нет прямых указаний, что они солидаризировались с политикой Конвента, более половины относятся к секциям ремесленно-рабочего характера (9 секций: Музея, Гравилье, Северного предместья, Бонди, Монтрейль, Кенз-Вен, Финистер, Санкюлотов и Обсерватории), 4 секции принадлежали к мелкобуржуазным (Республики, Шалье, Красного колпака и Инвалидов), 1 секция была с значительным буржуазным населением (Ломбар) и 3 являлись буржуазными секциями (Тюильри, Рынка и Коммуны). Насчет 9 из этих секций есть сведения, что они приняли петицию Электорального клуба (секции Музея, Гравилье, Северного предместья - по Бабефу, Монтрейль, Кенз-Вен, Республики, Ломбар, Коммуны и Рынка - по Бабефу), а 4 секции высказывались за адрес Дижона и якобинцев (Финистер, Шалье, Красного колпака и Тюильри). Возможно, что только неполнота сведений не позволяет нам отнести к числу секций, выразивших свое одобрение политике Конвента, 4 секций с преобладающим или значительным буржуазным населением (Тюильри, Рынка,

Коммуны и Ломбар), которые 9 термидора сразу встали на сторону Конвента. Во всяком случае, несомненно, что Конвенту удалось через 4 месяца повести за собою почти все секции с преобладающим (не менее 11 из 14) или значительным буржуазным населением (не менее 5 из 6), большинство мелкобуржуазных секций (9 из 13), из которых многие 9 термидора обнаружили большие колебания, и только меньшинство из секций ремесленно-рабочего характера (6 из 15). С другой стороны, в революционном характере «революции» 9 термидора разочаровались из секций, населенных ремесленниками, рабочими и вообще городской беднотой, такие секции, которые 9 термидора встали на сторону Конвента (Гравилье и Музея) или остались нейтральными (Кенз-Вен и демократическая секция Республики), не говоря уже о 3 секциях южных предместий (Обсерватории, Санкюлотов и Финистер), которые 9 термидора были сначала за Коммуну и после в течение 4 месяцев не послали ни одной депутации с одобрением деятельности термидорианского Конвента. Однако в следующие 4 месяца, с декабря 1794 г. и до начала жерминальского движения в половине марта 1795 г., буржуазная реакция захватила почти все секции, за исключением пяти-шести секций предместий.

© Vive Liberta

Примечания (приведены частично, отобраны редактором)

¹ Ввиду ограниченного размера статьи в сборнике публикуется только часть моего этюда о парижских секциях во время термидорианской реакции. Из-за недостатка места я не имел возможности остановиться на буржуазной реакции в секциях после возвращения жирондистов в Конвент 8 декабря 1794 г. и до начала жерминальского движения в середине марта 1795 г. Дальнейшая же история классово-борьбы в парижских секциях в 1795 г. самым тесным образом связана с прерияльским и вандемьерским восстаниями.

² Социальный состав населения парижских секций во время революций был изучен Брэшем (F.Braesch) в его книге «La Commune du dix aout 1792», 1911, причем его данные использованы у нас Я.Захером (Парижские секции 1790-1795 гг., с.9-14; Девятое термидора, с.71-94) и частично Н.Кареевым (Неизданные документы по истории парижских секций 1790-1795 гг., с. 13-14, 58-59, 73, 84-85, 88-89; Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фруктидора III г., «Журнал министерства народного просвещения» № 3, 1915, с.127, 130, 140-141, 144). При разделении секций на 4 основных группы я руководился сопоставлением отмеченных данных с политическими выступлениями секций, которые нередко вносят определенные коррективы к тому, что являлось в классовом отношении характерным для той или иной секции.

³ Секция Сите была населена представителями финансово-торговой буржуазии, но в то же время не случайными были ее выступления по продовольственному вопросу в частности 12 жерминаля («Moniteur», № 196, 5/IV 1795, p.798; № 204, 13/IV, p.832). Это отметил еще Мишле, охарактеризовавший секцию Сите как испытывавшую нужду (Michelet. Histoire le la Revolution francaise, v.VI, p.278).

⁴ Интересное освещение этих моментов см.: Старосельский. Проблема якобинской диктатуры, Москва, 1930, с.76-114.

⁵ Старосельский. Проблема якобинской диктатуры, с.141, 149, 150; A.Mathiez. La Revolution francaise, v.III, p.166, 173, 221, 222; E.Mellie. Les sections de Paris pendant la Revolution francaise p.153-155, 221.

⁶ Н.Кареев, Неизданные протоколы парижских секций 9 термидора II г. (1914); он же, Роль парижских секций в перевороте 9 термидора (1914); Я.Захер, 9 термидора (1926), с.62-94; Ch.d'Hericault. La Revolution de thermidor (1876). Из прежних историков, пользовавшихся сторежшими в 1871 г. протоколами секций, см. Michelet. Histoire le la Revolution francaise (ed.1869), v.VI, p.377-381, L.Blanc. Histoire le la Revolution francaise (ed.1869), v.XI, p.232 (пользовался преимущественно докладом термидорианца Куртуа); E.Hamel. Histoire de Robespierre, 1877, v.III, p.774-778.

⁷ По словам депутата Тюрио на заседании Конвента 1 апреля 1795 г. секция Единства была одной из тех, которые совершили день 9 термидора («Moniteur», № 194, 3/IV 1795, p.791). Один член революционного комитета секции Единства заявил в Конвенте 10 термидора, что секция признает только Конвент («Moniteur», № 312, 30/VII 1794, p.1277; Buchez et Roux, v.XXXIV, p.69).

⁸ Относительно секции Сите Амель старается доказать, что она проявила свою враждебность по отношению к Коммуне лишь после победы Конвента и что не без основания высказывались обвинения в том, что протокол заседания секции 9 термидора был потом изменен (Hamel. Histoire de Robespierre, v.III, p.777). Из протоколов гражданского комитета общего собрания секции видно только, что там раздавались отдельные голоса и в пользу Коммуны (Н.Кареев. Неизданные протоколы, с.43, 63, 64), Мишле, относя секцию Сите к числу тех, которые встали на сторону Конвента, отмечает однако, что особой активности в пользу Конвента секция не проявила (Michelet, Histoire de la Revolution francaise, v.VI, p.378).

⁹ Протоколов секции Прав человека от 9 термидора не сохранилось, и позиция секции остается неясной. Луи Блан относит ее к числу секций, вставших на сторону Коммуны (L.Blanc, ук.соч., т.XI, с.228); Эрико также утверждает, что канониры секции Прав человека одни из первых прибыли на Гревскую площадь перед Коммуной (d'Hericault, ук.соч., с.447); наконец, гражданский комитет этой секции принес присягу на верность Коммуне (Buchez et Roux. V.XXXIV, p.44-15); но с другой стороны заявления депутаций от секции Прав человека на общих собраниях других секций дают основание относить ее к числу секций, вставших на сторону Конвента (Н.Кареев, Неизданные протоколы, с.32, 33, 34-37, 47, 52, 73, 76; Я.Захер, 9 термидора, с.78). Несмотря на отмеченные противоречивые известия мало вероятно, чтобы эта буржуазная Секция оказалась на стороне Коммуны. Кроме того нужно отметить, что секция Прав человека, к которой принадлежал Варле, поддерживала в июне 1793 г. требования «бешеных» (А.Матьез, Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора, с.162, 163).

¹⁰ В докладе Баррера на заседании Конвента 10 термидора говорится о том, что арсенал защищался своей секцией («Moniteur», № 312, 30/VII 1794, Ш9; ср. Я.Захер, 9 термидора, с.78).

¹¹ Н.Кареев. Неизданные документы, с.73-75.

¹² Н.Кареев. Неизданные документы, с.85-86.

¹³ О колебаниях этой секции ср. Hamel, ук.соч., т.III, с.777-778. Нужно отметить, что общее собрание секции началось лишь в полночь (Н.Кареев. Неизданные протоколы, с.12). Н.Кареев (Роль парижских секций, с.34) и Я.Захер (9 термидора, с.88) относят секцию Пик к числу тех, которые решительно высказались против робеспьеристов.

¹⁴ Луи Блан утверждает, что секция Общественного договора встала на сторону Коммуны и даже осталась ей верна до конца вместе с секциями Шалье, Ботанического сада (Санкюлотов) и Обсерватории (ук.соч., т.XI, с.228, 232), но заявления этой секции и др.секций о преданности Конвенту противоречат этому утверждению (Н.Кареев. Неизданные протоколы, с.19, 31 и др.). Должностные лица секции Общественного договора действительно были в Коммуне и подверглись потом аресту, причем депутация от секции просила 3 октября 1794 г. Конвент освободить их как введенных в заблуждение («Moniteur» № 13 4/X 1794, р.67).

¹⁵ По утверждению Эрико, канониры секции Музея были первоначально на Гревской площади (d'Hericault, ук.соч., с.447). А Матьез, считая, что секция Музея одна из первых встала на сторону Конвента, признает все же, что вначале она послала по требованию Анрио отряд на площадь Коммуны, но скоро его отозвала и дала даже в распоряжение одного депутата 50 человек, занявших Новый мост (A.Mathiez. L'affaire Legray, «Annales...», 1927, № 4, р.316, 317). На заседании Конвента 10 термидора депутация от секции Революционной отмечала, что часть секции Музея помогала ей освобождать некоторых ее членов, арестованных агентами Коммуны за приверженность к Конвенту («Moniteur» № 312, 30/VII 1794, р.1278). Общее собрание секции Музея состоялось только 10 термидора (Н.Кареев. Неизданные протоколы, с.6, 17). Я.Захер (9 термидора, с.80) не отмечает указанных обстоятельств и считает поведение секции Музея аналогичным поведению секций Гравилье и Бон-Нувель.

^{15a} По словам Мишле, колонны секции Санкюлотов направлялись к Коммуне, но им помешали прибыть вовремя, смутив их басней о роялистском заговоре Робеспьера (Michelet, ук.соч., т.VI, с.308). С этим нужно сопоставить протокол вечернего заседания Конвента, где говорится о появлении в Конвенте вооруженной силы секции Санкюлотов (секции Анрио) для защиты Конвента. Но это было в тот момент, когда в ратуше уже происходили решительные события; далее, в описании заседания говорится о том, что в Конвент принесли раненого Робеспьера и что скоро прибыл депутат Леонар Бурдон с сообщением о захвате в ратуше робеспьеристов («Moniteur» № 312, 30/VII 1794, р.1277; Buchez et Roux, v.XXXIV, р.74).

^{15b} A.Mathiez. Autour de Robespierre, p.227-228; он же. La Revolution francaise, v.III, p.219-220. По свидетельству одного буржуа-очевидца, в наименее революционных кварталах Парижа, где было много умеренных и даже роялистов (например, в секции Лепеллетье), господствующим чувством после первоначального ареста было любопытство, смешанное с беспокойством. Многие не знали, нужно ли радоваться падению Робеспьера и не будет ли тирания после него еще хуже. Наоборот, в народных кварталах (например, в Антуанском предместье) раздавались крики «Да здравствует Робеспьер!» Наиболее энергичные секции явились на Гревскую площадь. Там перед зданием Коммуны еще в 10 часов вечера кричали «Да здравствует Робеспьер! Долой Конвент!» (E.Vire. Journal d'un bourgeois de Paris pendant le terreur, v.V, p.378-382). Правый термидорианец Бентаболь высказывал потом свое мнение, что сторонники Робеспьера изменили свое поведение 9 термидора после 9 час. вечера, когда они увидели, что все потеряно («Moniteur» № 14, 5/X 1794, р.69).

¹⁶ «Moniteur» № 308, 26/VII 1794, р.1242. Реакционер Монгальяр особенно преувеличивал цифры арестованных, показывая их для апреля 1794 г. в 22 тыс. для Парижа и в 653 тыс. для департаментов (Mongallard. Etat de la France au mois de mai 1794, Londres 1794, р.53).

¹⁷ «Moniteur» № 328, 15/VIII 1794, р.1347. Я тут не останавливаюсь на дискуссии о напечатании либо имен выпускаемых на свободу, как предполагали левые термидорианцы, либо имен тех, кто донес на арестованных, как предполагали правые термидорианцы. Не касаюсь я здесь и адреса якобинского клуба, направленного против выпуска на свободу арестованных в качестве подозрительных и представленного в Конвент 25 августа 1794 г.

¹⁸ Так, в первый округ входили 2 буржуазных секции - Тюильри и Елисейских полей - и 2 мелкобуржуазных - Республики (Руль) и Пик (Вандомской площади); во второй округ входят 2 буржуазных секции - Горы (Мельничного холма) и Лепеллетье - и 2 секции северных предместий - Монблан и Монмартр; шестой округ объединял 1 буржуазную секцию - Тампль, с 1 с значительным буржуазным населением - Ломбар, 1 мелкобуржуазную - Друзей отечества - и 1 с значительным ремесленно-рабочим населением - Гравилье. Исключением являлись только 2 округа, объединявших демократические секции; к пятому округу принадлежали секции Боконсейль, Бон-Нувель, Северного предместья и Бонди, к двенадцатому - секции южных предместий - Пантеона, Обсерватории, Ботанического сада (Санкюлотов) и Финистер (ср. Н.Кареев. Неизданные документы, с.118).

¹⁹ Е.Меллье, разобрав это обвинение Камбона и утверждение Тэна относительно будто бы кричащих злоупотребления в связи с получением платы за присутствие на заседаниях секций, доказал на основании документальных данных, что секции принимали предосторожности против возможных злоупотреблений и что число граждан, пользовавшихся правом на 40 су, было в секциях ограничено (E.Mellie. Les sections de Paris, p.146-150).

²⁰ Этот вопрос достаточно выяснен в литературе, особенно в статье А.Матьеза о Лепрэ (A.Mathiez. L'affaire Legray, «Annales...» № 4, 1927, р.305-319, особ. р.317-319; ср. A.Mathiez. La reaction thermidorienne, p/38-39, 85-87, 91-96; Я.Захер. Жан Варле в эпоху термидорианской реакции (Под знаменем марксизма, № 6, 1928, с.157-170); С.Моносов. Якобинский клуб, с.138-143, Н.Фрейберг. Декрет 19 вандемьера и борьба «бешеных» за конституцию 1793 г. (Историк-марксист, № 6, с.142-172)).

²¹ Paris, v.1, p.65-66, «Messenger du soir», 29/VIII 1794. Serviere и Chassant выступили в числе других сленов революционного комитета секции Музея в защиту Лепрэ, когда он был арестован 20/VII 1794 г. (A.Mathiez. L'affaire Legray, «Annales...» № 4, 1927, p.316, n.1).

²² Я.Захер. Жан Варле в эпоху термидорианской реакции (Под знаменем марксизма, № 6, 1928, с.161-163).

²³ «Tribun du peuple» № 23, p.8, 14 вандемьера III г. Секция Бон-Нувель сначала высказалась (16 сентября 1794 г.) против адреса Дижона и за первую петицию Электорального клуба, но как раз 2 октября она заявила в Якобинском клубе о своем отказе от отрицательного отношения к адресу Дижона (см. ниже о выступлениях секций за и против адреса Дижона). В этой секции, выступавшей раньше на стороне «бешеных» и эбертистов, происходила в сентябре и октябре 1794 г. сильная борьба, приводившая к изменению позиций. О секции Монблан известно, что 17 сентября она в Якобинском клубе заявила о своем присоединении к адресу Дижона, а вообще была одной из самых умеренных секций предместий. Буржуазная секция Тампля действительно выступала 2 октября в Конвенте против адреса Дижона, но как против «террористического», причем все ее выступление было в антиякобинском духе и не содержит никаких указаний на присоединение к петиции Электорального клуба.

Секция Северного предместья не выступала в Конвенте в первые месяцы после 9 термидора и, по-видимому, не выражала сочувствие политике Конвента, характер же ее населения делал вероятным ее сочувствие выступлению Электорального клуба. Относительно буржуазных секций Рынка, Коммуны и Арсенала нужны дополнительные сведения, но в них были слои населения, которые могли высказываться за петицию Электорального клуба, причем можно указать на такие факты, как выступление секции Верности (Коммуны) 1 апреля 1795 г. (12 жерминаля III г.) с требованием устранения господствовавшей нужды и введения в действие конституции 1793 г. («Moniteur» № 194, 3/IV 1795, p.792); ср. дезавуирование этой петиции («Moniteur» № 215, 24/IV 1795, p.875) или требование об образовании революционной армии, выставленное секцией Арсенала 4 сентября 1793 г. (А.Матъез. Борьба с дороговизной, с.248).

²⁴ Ср. Michelet. Histoire de la Revolution française, v.VI, p.277, 278; А.Матъез. Борьба с дороговизной, с.248, прим.2. Секции Ломбар и Сите принимали участие в выступлении секций 12 жерминаля по поводу продовольственного кризиса («Moniteur» № 196, 204 5/IV, 13/IV 1795, p.797, 832).

²⁵ «Correspondance de Paris» от 2 ноября 1794 г. сообщала о слухе, что президент Электорального клуба и 4 секретаря, об аресте которых объявлял Мерлен, на свободе. Газета выражала удовлетворение, что Комитет общественной безопасности не арестовал за выражение своего мнения о правительстве, если это мнение не контрреволюционно (Paris, v.1, p.214). «Gazette historique et politique» от 5 ноября сообщала о вторичном наложении 1 ноября печатей на убмаги Электорального клуба (ibidem, p.217).

²⁶ Ibidem, p.241, «Courrier republican», 13/XI 1794; ср. P.242, R. 14/XI. «Messenger du soir», сообщая об этом 16 ноября, предлагал «порядочным людям» снова разогнать палками якобинцев (p.245; ср. p.252, 257, «Annales patriotiques», 20/XI 1794, p.247).

²⁷ «Moniteur» № 352, 353, 8/IX, 9/IX 1794, p.1446, 1449; Aulard. La Societe des Jacobins, v.VI, p.447. А.Матъез ошибается, говоря, что в Конвенте «l'adresse de Dijon fut applaudie» [адрес Дижона встретили аплодисментами] (A.Mathiez. La reaction thermidorienne, p.55); наоборот, чтение адреса прерывалось ропотом и предложениями перейти к порядку дня.

²⁸ Речь идет о Saurez, который на заседании якобинского клуба 11 октября обвинял аристократов в том, что они подняли шум, а потом говорили, что патриоты мешали чтению адреса Конвента. Аналогичное обвинение было выдвинуто одним из членов общества и против секции Шалье («Moniteur» № 26, 17/X 1794, p.117).